

УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА

GOVERNANCE
AND
POLITICS

Том 1
№ 3
2022

Журнал

«УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА»

Governance and Politics»

Цель рецензируемого научного журнала «Governance and Politics» – публикация результатов исследований в области политической науки. Журнал сфокусирован на политической теории, проблемах и трансформации политических институтов и процессов, вопросах политической идеологии и государственного управления. G&P публикует рукописи высокого качества и новизны, охватывающие фундаментальные теоретические и эмпирические исследования в указанных предметных областях.

Журнал издается на русском и английском языках, преследуя цель интеграции международного академического политологического сообщества и развития научного диалога. Авторы из всех стран мира приглашаются к опубликованию в журнале результатов своих исследований. G&P охватывает широкую географию авторов и рецензентов, а также членов редколлегии.

Области исследований

- политическая философия / политическая теория
- история политической науки
- методология политической науки
- политические институты
- политические процессы и тенденции
- политическая культура и идеология
- политические конфликты
- государственное управление и государственная политика

Основатель и издатель

МГИМО МИД России
www.mgimo.ru

Язык

английский / русский

Редакция

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского 76
Факультет управления и политики
gp@inno.mgimo.ru

Официальный сайт журнала

<https://www.gp-mgimo.ru>

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии

Анатолий Васильевич Торкунов,
профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России, Россия

Главный редактор

Генри Тигранович Сардарян,
декан Факультета управления и политики МГИМО МИД России, Россия

Татьяна Александровна Алексеева,
профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России, Россия

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина,
профессор, член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии
МГИМО МИД России; президент Российской ассоциации политических наук, Россия

Александр Жебит,
доцент, Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия

Сергей Георгиевич Камолов,
профессор, заведующий кафедрой государственного управления МГИМО МИД России, Россия

Марина Михайловна Лебедева,
профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, Россия

Рафаэле Маркетти,
профессор, проректор по интернационализации Свободного международного университета
социальных наук «Гвидо Карли», Италия

Юрай Немец,
профессор, Масариков университет, Чехия

Сергей Васильевич Рязанцев,
профессор, член-корреспондент РАН, директор Института демографических исследований
филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Россия

Леонид Владимирович Сморгун,
профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского
государственного университета, Россия

Арчана Упадауй,
профессор Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Индия

Августин Квази Фосу,
профессор, Университет Ганы, Гана; Университет Йоханнесбурга, Университет Претории,
Южно-Африканская Республика; научный сотрудник, Оксфордский университет, Великобритания

Андрей Юрьевич Шотов,
профессор, декан Факультета политологии Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, Россия

Редакция

Научный редактор **Оксана Геннадьевна Харитонова,** МГИМО МИД России, Россия

Выпускающий редактор **Денис Андреевич Кузнецов,** МГИМО МИД России, Россия

Ответственный секретарь **Юлиана Ников,** МГИМО МИД России, Россия

Редакторы **Саймон Паттерсон,** Новая Зеландия

Ольга Павловна Дмитриева, Россия

Верстка **Дмитрий Евгеньевич Волков,** МГИМО МИД России, Россия

Управление и политика

Governance and Politics

Aim and Scope

The aim of the Journal is to publish the results of research in the field of political science. The journal is focused on political theory, problems and transformation of political institutions and processes, political ideology as well as public administration. G&P publishes manuscripts of high quality and novelty covering fundamental theoretical and empirical findings in these subject areas. The journal is published in Russian and English, insofar as it considers integration of international academic political science community as its strategic purpose; it encourages international academic dialogue among political scientists. Authors from all over the world are invited to publish in the Journal the results of their research. G&P embraces a wide geography of authors and reviewers as well as the members of the Editorial Board.

Fields of Research

- political philosophy / political theory
- history of political science
- political science methodology
- political institutions
- political processes and trends
- political culture and ideologies
- political conflicts
- public administration and public policy

Founder and Publisher

MGIMO University
www.mgimo.ru

Language

English / Russian

Editorial Office

76, av. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454
School of Governance and Politics

Official Website

<https://www.gp-mgimo.ru>

Editorial Board

Head of the Editorial Board

Anatoly Torkunov,

Professor, Full Member of Russian Academy of Sciences, Rector of MGIMO University, Russia

Editor-in-Chief

Henry Sardaryan,

Dean of School of Governance and Politics, MGIMO University, Russia

Tatiana Alekseeva,

Professor, Head of Department of Political Theory, MGIMO University, Russia

Augustin Kwasi Fosu,

Professor, University of Ghana, Ghana; University of Johannesburg, University of Pretoria, the Republic of South Africa; Research Associate, University of Oxford, the United Kingdom

Oxana Gaman-Golutvina,

Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Department of Comparatives Politics, MGIMO University; President of Russian Political Science Association, Russia

Sergey Kamolov,

Professor, Head of Department of Public Governance, MGIMO University, Russia

Marina Lebedeva,

Professor, Head of Department of World Politics, MGIMO University, Russia

Raffaele Marchetti,

Professor, Deputy Rector for Internationalization, Free International University of Social Studies Guido Carli, Italy

Juraj Nemec,

Professor, Masaryk University, the Czech Republic

Sergey Ryazantsev,

Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director, Institute for Demographic Research of Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Leonid Smorgunov,

Professor, Head of Department of Political Governance, Saint Petersburg State University, Russia

Andrey Shutov,

Professor, Dean of Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Archana Upadhyay,

Professor, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Alexander Zhebit,

Associate Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Brazil

Editorial Staff

Scientific Editor **Oxana Kharitonova**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Publishing Editor **Denis Kuznetsov**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Executive Secretary **Yuliana Nikov**, MGIMO University, Russia

Editors **Simon Patterson**, New Zealand

Olga Dmitrieva, Russia

Layout **Dmitry Volkov**, Russia, MGIMO University, Russia

Содержание / Contents

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ / PUBLIC ADMINISTRATION

Трансформация государственного управления в условиях кризиса: опыт Москвы.....	7
<i>А.В. Шапошников</i>	
Разработка экономического инструментария стабилизации экономики региона: опыт Ярославской области.....	27
<i>И.В. Трегуб</i>	
Правовое регулирование научной сферы в России и США.....	35
<i>А.А. Васильев, Ю.В. Печатнова</i>	

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА / INTERNATIONAL POLITICS

Is Belgrade the New Casablanca? Serbia's Place in the Emerging World Order	58
<i>Stevan Gajić</i>	
Geostrategic Significance of Energy: A Glimpse of India-Russia Relations	88
<i>Madhusmita Rout, Bhagyadhar Sethy</i>	
Implementation of Russian "Soft power" Foreign Policy Strategy in Kyrgyzstan.....	101
<i>Alina Musa kyzy</i>	
Информация для авторов / Brief Author's Guide	116

Трансформация государственного управления в условиях кризиса: опыт Москвы

А.В. ШАПОШНИКОВ¹

Московская городская дума (Россия)

Аннотация

В статье рассматриваются методологические подходы к изучению кризисных явлений в обществе, сформулированы наиболее важные, с точки зрения автора, составляющие системного подхода в понимании кризисных процессов, переживаемых обществом в различные периоды своей истории. Кризисы непосредственно влияют на деятельность органов государственного и регионального управления. Автор анализирует опыт Москвы по преодолению кризисных явлений в период пандемии COVID-19 и в условиях проводимой в отношении России санкционной политики и предлагает рассматривать его как ориентир для построения антикризисных траекторий в системе государственного управления.

Ключевые слова

кризис управления, институциональный дизайн, стратегия противодействия кризисным явлениям, COVID-19, антироссийские санкции

Для цитирования

Шапошников А.В. (2022). Трансформация государственного управления в условиях кризиса: опыт Москвы. *Управление и политика*, 1(3), С. 7–26.

¹ **Шапошников Алексей Валерьевич** – Председатель Московской городской думы, к.ю.н., Заслуженный юрист Российской Федерации, Московская городская дума, Россия.
E-mail: predsedatel@duma.mos.ru
Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

Кризисные явления являются неременной составляющей миропорядка. При этом под «кризисными» мы чаще всего понимаем такие проявления социально-политических противоречий, следствием которых становится нестабильность жизненно важных подсистем человеческого общества, «нарушение привычного хода вещей, требующего «новой модели поведения» (Thomas, 1909). В научном дискурсе существуют различные методологические подходы в понимании сути данного явления от теории кризиса как социального явления (У.А. Томас, П. Сорокин, Ю. Хабермас), через «кризисное управление» (Р. Сталлингс, Р. Дайнз) к современным теориям интегральной концепции кризиса и кризисного управления (Н.Б. Андерсен, В.Л. Романов, А.В. Мозговая и др.). В научном дискурсе понимания сущности кризисных явлений мы наблюдаем столкновение двух диаметрально противоположных концептов: кибернетического и синергийного. Суть противоречий кроется в оценке причин и последствий. Концепция кибернетического подхода воспринимает причину кризисных явлений как следствие допущенных ошибок, несогласованности действий акторов. В таком ракурсе кризис становится негативным явлением. Синергийный подход напротив воспринимает кризис как объективное положительное явление, а энергию кризиса рассматривает как фактор процесса развития. При рассмотрении кризисных явлений в обществе в целом и преодолении их в общественно-политической системе, в частности, важно определиться с методологическими подходами понимания основ общественно-политических процессов и кризисов. Стоит согласиться с точкой зрения, которая рассматривает общество как самоорганизующуюся и самодостаточную нелинейную систему. В таком контексте специфика кризисов социальных систем приобретает черты закономерности, объективности и цикличности. А это значит, что мы имеем дело с существованием неких «неслучайных связей», которые подвластны изучению и прогнозированию. Важным для нас также является принятие во внимание «интегрального» аспекта изучения социальной системы общества. Идея рассмотрения процессов в обществе через призму связей между ее частями, где «целое всегда больше своих частей» (Гегель, 1974), позволяет выйти на понимание целостного универсума через выявление связей между подсистемами мира и их интегральных свойств.

Именно кризисы часто выступают катализатором назревших системных изменений, поэтому теория кризисов в данной интерпретации будет рассматриваться нами как неотъемлемая часть системных процессов, так как способность общества к развитию через изменение является условием его существования. В свою очередь следствием отсутствия изменений становится стагнация общества, которая в политической системе может приводить к необратимым нарушениям и дисфункциям. Группы кризисов порождают проблемы, требующие изменений, но неперенным следствием любого изменения системы становится возникновение новых проблем, которые приводят к новым группам кризисов. В этом «коловращении» кроется жизненный цикл социальных систем в совокупности с их подсистемами, к которой относится и социально-политическая сфера человеческого общества. Кризисное управление мы рассматриваем как систему, главная функция которой заключается в минимизации дисфункциональных факторов.

«Иерархичность системы государственной власти выражается в ее структурно-функциональной расчлененности на элементы, первичными из которых являются государственные органы, объединенные по функциональному признаку в «ветви» как относительно самостоятельные подсистемы государственной власти» (Суходольский, 2019). В условиях кризиса система государственного устройства, которая априори имеет структурное многообразие, неизбежно сталкивается со структурно-функциональной расчлененностью институтов, что в свою очередь запускает процессы дифференциации. Эту группу конфликтов в научной литературе часто называют «синдромом модернизации государственного управления» «... противоречивое взаимодействие между процессом дифференциации (структурным многообразием системы государственного управления), требованиями подотчетности (прозрачность, общественный контроль, соблюдение норм и стандартов) и способностью системы государственного управления к интеграции (координация между принимаемыми политико-административными решениями) (Купряшин, 2015). В этих условиях государственная система должна приспосабливаться к последствиям возникающих противоречий, что может приводить к формированию специфических транзитных практик, которые в свою

очередь создают новый институциональный дизайн. В случае неспособности государственной системы в силу как объективных, так и субъективных причин эффективно адаптироваться к вызовам, мы наблюдаем трансформационные неудачи, которые в особых случаях могут приводить к разрушению самой системы. Система государственного управления в условиях кризисной турбулентности испытывает как правило двойную нагрузку – это не только воздействие внешней среды, но и влияние внутренних кризисов трансформации, которые приводят к ослаблению воздействия системы на свои структурные элементы. Часто следствием объективных процессов становится активизация политических целей и доминирование их над рациональными целями управления. И в условиях прохождения турбулентности устойчивость общественно-политических систем определяется не только объективными причинами системных процессов, но и субъективными возможностями общественно-политической системы эффективно решать возникающие проблемы, воспроизводимые тем самым объективным процессом развития. Если возвращаться к концепции первопроходца в области изучения кризиса и социальных изменений У.А. Томасу, то как раз «стремление к прогрессу и гибкость системы» – это один из трех основных факторов, способствующих преодолению кризиса в социальных системах, два других, на которые указывает автор – это достаточно высокий уровень развития группы и присутствие лидера, а также наличие необходимых технологий. Кризисные явления системны, познаваемы и управляемы, как системные процессы они имеют субъективную и объективную составляющую, обладают амбивалентными свойствами, несут как разрушительный, так и созидательный потенциал. Говоря о кризисах в контексте развития политических систем многие исследователи указывают на прямую зависимость прогресса человеческого развития от количества перенесенных кризисов. Современные подходы кризисного управления также выделяют особую роль кризисных явлений, понимая под ним относительно управляемый процесс, финал которого часто не очевиден и зависит от множества факторов.

Но наряду с глобальными кризисными факторами, в научном дискурсе получила свое развитие и концепция локальных инновационных проблем «... под которыми следуют понимать возникающие спорные пробле-

мы, привязанные к той или иной территории/условиям, «взрывные» по своим последствиям комплексы технологических, экономических и социальных инноваций, которые в свою очередь с легкостью изменяют облик регионов, вносят изменения в обыденную жизнь социума» (Китайкина, 2021). Неспособность государственного и административного управления отвечать на вызовы инновационных практик, оперативно реагировать на непредсказуемость социальных изменений, создавать гибкие инструменты управления рассматривается сегодня как серьезная системная проблема, способная спровоцировать возникновение глубокого кризиса на административном уровне. В мировой практике остро стоит вопрос теоретического осмысления данной проблемы, создания новых рычагов и механизмов государственного администрирования, которые были бы способны рассматривать инновационные проблемы как системные факторы развития, а не источник угрозы и разрушения. В настоящее время существует несколько парадигм эволюции управления под воздействием локальных инновационных проблем: это и теоретическая отсылка к веберовской установке идеального государства, и административная парадигма, в базовых принципах которой заведена статика – государство как система органов, и динамика – сами административные механизмы управления с учетом дополнительной надстройки в виде системы государственной службы, дискурс сейчас активно поддерживается в научном сообществе, выработанной доминирующей концепции не существует, дискуссия находится в активной фазе. Но нам представляется в большей степени заслуживающей внимание попытка переосмысления общественно-государственного управления с акцентом на распределение полномочий между гражданским обществом и органами государственной власти. И в этом контексте стоит говорить о системе институтов развития, которые получили широкое развитие в российской практике, и которые, несмотря на серьезные внутренние кризисы, находят ресурсы их преодоления, а также имеют поддержку и заинтересованность государственных органов российской власти, что важно при реализации принципа целостности. В общем смысле институты развития рассматриваются как некие базовые организации, которые имеют ресурсы для решения тех самых локальных инновационных проблем и способны вывести ситуацию

из зоны «проблемы» в зону «роста». Но такой подход статистики не позволяет нам проследить основные системные процессы, поэтому, определяя базовые понятия институтов развития, стоит рассматривать институты развития скорее как «устоявшуюся норму взаимодействия между экономическими агентами, результатом применения которой является изменение состояния системы» (Попов, Власов, Симахина, 2010). «Таким образом, эти институты являются и средой и одновременно инструментом государственной политики развития» (Норд, 1993).

Таким образом, мы принимаем кризисные явления как системные и объективные, рассматриваем возникающие во всех сферах человеческого общества проблемы, как катализаторы инновационных преобразований, а способность системы государственного управления с ее институтами развития эффективно адаптироваться к инновационным вызовам как основу устойчивого развития. С этой позиции важно проанализировать локальный опыт Москвы в вопросах преодоления глобальных кризисов последних 3 лет. Вызовы, с которыми город столкнулся в 2019-2021 годах, стали испытанием для мира, для России, для Москвы, да и для каждого жителя.

Одним из глобальных вызовов начала XXI века стала пандемия COVID-19. Это был настоящий экзамен для всей системы управления, экономики и общественной жизни, и сдавать эти экзамены пришлось без подготовки, на которую просто не было времени. В обычные времена существует разный масштаб решаемых задач, разная скорость принятия решений и серьезно отличающиеся подходы к возникающим проблемам. Но все изменилось в ситуации 2019 года, когда принимаемые решения были безотлагательными и беспрецедентными. Важно было не допустить кризиса координации. Одна из проблем при работе каналов политической коммуникации в условиях подобных вызовов – это сохранить гармоничный баланс уровня администрирования, но при этом не допустить ситуации, когда тактические задачи, вышедшие на первый план, могли бы поглотить задачи стратегические. Сегодня можно констатировать тот факт, что система власти, созданная в столице, продемонстрировала высокий уровень эластичности институциональной среды, она адаптивна, имеет сформированный инновационный и мобилизационный потенциал.

«В эластичной институциональной среде превалирует комплементарный способ взаимодействия формальных и неформальных институтов, когда неформальные практики дополняют формальные институты, позволяют им лучше адаптироваться к изменениям в моделях социального действия» (Roland, 2004). Адаптивная способность административно-политической системы – это чувствительность к воздействиям внешних факторов, среди которых, конечно, главным является фактор партнерства государства и общества, реализующийся в процессах выстраивания горизонтальных связей через призму новых политических и административных подходов. Инновационная способность власти – это один из ключевых компонентов, который проявляется в возможностях даже в условиях кризиса выстраивать институциональную базу развития, функционально способную к изменениям, фактически, это умение системы изменять саму себя. Мобилизационная способность – это прежде всего создание системы эффективного использования всех видов ресурсов. Москва в эпоху пандемии продемонстрировала огромный потенциал к решению нестандартных, комплексных задач, с которыми человечество столкнулось впервые. Если оценивать данный факт с точки зрения системности процессов, то можно говорить о том, что система управления в столице выдержала кризисное напряжение за счет созданного эффективного механизма политико-административного уровня управляемости. Это то самое стратегическое пространство «policy space», которое формируется через трансформационные процессы стратегических линий в реалии тактических действий, создание новых устойчивых управленческих практик. Проблема устойчивости социальных систем в этот период стояла достаточно остро во всем мире, Россия не явилась исключением, но нам удалось успешно противостоять вызовам глобализации и эффективно преодолеть трансформационные издержки. Впрочем, первые недели кризиса стали для системы самым большим испытанием на прочность, у нас были большие опасения: удастся ли справиться с такими вызовами и как они скажутся на нашей экономике и наших гражданах. Стоит отметить, что с самых первых дней кризиса, сейчас об этом можно уже уверенно говорить, как на федеральном, так и на региональном уровне сразу стали разрабатываться не только точечные, но и системные меры поддержки, и как покажет в дальнейшем

развитие ситуации, это позволило сохранить макроэкономическую стабильность, не допустить социальных потрясений. Это было обеспечено высоким уровнем координации как на горизонтальных уровнях, так и между ветвями власти: в обоих случаях были приняты несколько пакетов мер поддержки как граждан, так и бизнеса, и – главное – обеспечена их быстрая и эффективная реализация.

Условия вызова на протяжении всего периода пандемии не были константой, каждый раз появлялись новые обстоятельства и приходилось очень быстро перестраивать работу практически во всех направлениях, в том числе и в самом процессе обеспечения законотворчества. В качестве справки: в 2021 году из 19 заседаний Московской городской думы 15 прошли в дистанционном формате. Тренд на развитие цифровых технологий в государственном управлении получил свое дальнейшее развитие и был реализован в законотворческой деятельности Думы.

В качестве исторического отступления стоит отметить, что процесс цифровизации в системе государственного управления в России начинался в 2008 году с подписанной Президентом России «Стратегии развития информационного общества Российской Федерации», выполнение которой было отменено в мае 2017 после подписания Указа Президентом России В.В. Путиным «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»². В 2018 году была принята Программа «Цифровая экономика России 2018–2024». Ключевая идея Национальной программы – создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры обработки больших данных, которая стала бы общедоступной и широко распространенной, а также переход на использование преимущественно российского ПО в системе государственного и муниципального управления. Ключевые направления цифровой трансформации охватывают: инфраструктуру, человеческий капитал, сектор экономики и государственные услуги. Подобные программы сегодня приняты в ведущих государствах мировой системы, и в качестве отступления, для сравнения интересно вычленить

² Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 года № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»/

ключевые идеи, которые правительства некоторых стран вкладывают в систему цифровизации. Обобщая, можно сказать, что вектором цифровой трансформации для Китая сегодня является интеграция с традиционными отраслями, для Сингапура – это «Умная экономика», для Канады – создание ИКТ-хаба (Торонто), для Южной Кореи – «Креативная экономика», Цифровая Дания – «сильная и защищенная». Для России можно говорить о ключевом векторе развития, направленного на устойчивость, общедоступность и информационную безопасность.

Пандемия COVID-19 для нас стала ускорителем многих процессов, в том числе и процессов цифровизации. В кратчайшие сроки заседания Думы, комиссий, фракций, круглые столы, а также совещания в Аппарате были переведены в формат видеоконференций, причем с использованием российского программного обеспечения во исполнение задач Национальной программы. Большинство повседневных вопросов стало решаться дистанционно, в режиме онлайн. Тогда все эти процессы из тренда быстро превратились в норму по всему миру, и Москва стала одним из мировых лидеров в этом вопросе. В 2021 году Дума седьмого созыва продолжила стабильную работу по совершенствованию правового поля, регулирующего различные сферы жизнедеятельности столицы, строго в соответствии с установленными регламентами, на которые никак не повлияли внешние факторы и ограничения, связанные с пандемией. Депутаты в полном объеме рассмотрели вопросы развития городского хозяйства Москвы и организации государственной власти, приняли важные законы в сфере социальной политики, административной ответственности и избирательного права. Были разработаны федеральные законодательные инициативы. Законодатели Москвы успешно смогли приспособиться к новым условиям, трансформировали законотворческие процедуры и образ жизни к новым реалиям. Столичный парламент смог продолжить свою работу с самого начала пандемии в ситуации мощнейшей неопределенности. Дума оперативно анализировала, вносила предложения и законодательно поддерживала антикризисные инициативы столичного правительства. В таком режиме прошло два года. Важно заметить, что возросла скорость принятия решений, а об их качестве и эффективности свидетельствует то, что городу удалось почти невозможное – найти

баланс между ограничительными мерами для защиты здоровья людей, сохранением возможностей для функционирования экономики и одновременным развитием здравоохранения. Система цифровизации позволила Москве предотвратить негативные последствия в системе хозяйственной деятельности. Среди общих мер вопросы оперативно-го перевода документационного оборота, особенно государственных услуг, в дистанционный режим стали ключевыми и были успешно реализованы в столице, и что самое главное, стремительный темп процессов цифровизации, выбранный в период пандемии, нисколько не снизился после выхода из нее. Сегодня Москва продолжает удерживать лидерство в вопросах создания инструментов цифровой экономики.

В качестве одного из десятков проектов можно привести пилотный проект Правительства Москвы «Электронный дом», который начал свою работу в 2018 году, но не прекращал своего развития даже в период пандемии. По результатам сбора мнений жителей, организованного в сентябре 2019 года на краудсорсинговой платформе Правительства Москвы (crowd.mos.ru) было принято решение о расширении функций проекта. «Электронный дом» — это проект по управлению многоквартирным домом (МКД) для жителей, собственников помещений и управляющих организаций. Сервис позволяет управлять своим домом через интернет: жители могут общаться между собой, проводить общие собрания в онлайн-режиме и решать вопросы, связанные с управлением и содержанием многоквартирного дома.

Если сегодня посмотреть на то, что делалось Правительством Москвы вместе с Московской городской думой в социальном аспекте в период пандемии, то следует говорить как о преемственности социальных традиций, так и об их концептуальном переходе на принципиально иной уровень, где точечные, локальные действия переводятся в системные процессы, что безусловно дало результаты. В период пандемии системе пришлось столкнуться не только с внешними факторами воздействия, но и с внутренними проблемами. В этой связи очень прямыми были исторические параллели и отсылки к истории 250 летней давности, когда эпидемия чумы в Москве сопровождалась народными бунтами, прямым продолжением которых в современных условиях стало ново-

е«антиковидное движение». Власти столицы оказались готовы и к этому вызову. Устойчивая система вертикали власти, успешное взаимодействие с акторами общества позволили московским властям эффективно реализовывать все принятые решения в период пандемии COVID-19. Москва вошла в топ-3 мировых городов по инновациям, которые были приняты правительствами мегаполисов по борьбе с коронавирусом инфекции. Мы опередили Лондон, по некоторым показателям Сан-Франциско и Бостон. Решения, которые принимались в Москве в связи с пандемией, сегодня можно рассматривать как пример успешного использования вызовов глобальных кризисов для ускорения введения инновационных процессов. Преодоление кризисных явлений потребовало от системы управления особой концентрации и эффективности, и с этой задачей Москва справилась.

Опираясь на итоги социологического исследования, проведенного Российским государственным социальным университетом в 2020 году «Самосохранительное поведение жителей города Москвы в период пандемии COVID-19» (Шимановская, 2020), можно отметить, что «...произошли изменения в повседневной жизни людей: жители города Москвы стали больше заботиться о своей безопасности и безопасности своих близких. Также эпидемия стала поводом для размышления горожан о значимых жизненных ценностях. Коронавирус ориентирует людей на обращение к собственной экзистенции, рефлексии в отношении своей жизни и деятельности» (Шимановская, 2020). Среди ожиданий постковидной жизни, социологи зафиксировали мнение горожан о том, что «коронавирус – это повод задуматься о бережном отношении друг к другу, в связи с чем у людей формируется ожидание, что после окончания эпидемии повысится качество социальных связей, и ценности общения и человеческих отношений станут более значимыми» (Шимановская, 2020).

Данное социологическое исследование весьма показательно, так как констатирует влияние кризиса на изменение системных взглядов и переоценку ценностей москвичей. Эпидемия может рассматриваться как фактор трансформации сознания, возможно predetermined, если вернуться к теме системности кризисов. В этой связи стоит обра-

тить внимание на работы российского врача-эпидемиолога В.Н. Ягодинского 1970-х годов. В современных реалиях теоретические положения его «Учения о циклах эпидемий» выглядят пророческим и приобретают новое значение. «Эта книга по эпидемиологии написана не эпидемиологом и не для эпидемиологов, и проблемы, затронутые в ней, стоят вне поля зрения эпидемиологии. Понадобится еще несколько десятков лет, чтобы мы обрели общий язык... Такое время придет лет через пятьдесят... Таковы трудные роды великой науки» (Ягодинский, 2006) (1960 г). Автор поддерживает гипотезу панспермии, выдвинутую Нобелевскими лауреатами С. Аррениусом и Ф. Криком, согласно которой жизнь развивается по заданным генетическим программам, к которым относится и глобальная инфектология. В.Н. Ягодинский выдвигает положение об «инфицировании как способе жизни и обмене информацией в биосфере и социуме», рассматривает вековые периодические (циклические) изменения эпидемиологического процесса. В 1965 году В.Н. Ягодинский совместно с Ю.В. Александровым впервые в истории медицины разрабатывают сверхдолгосрочный прогноз эпидемий гриппа на 35 лет вперед, вплоть до 2000 года, который в основной своей части оправдался³. Впоследствии автором были предприняты попытки прогнозирования эпидемий других инфекционных болезней, которые также показали свою эффективность. Но основной упор в своих исследованиях автор делает на создание системы рационального планирования противоэпидемических мероприятий, основанной на разработанных автором прогностических методах. Автор рассуждает о необходимости разработки междисциплинарных программ определения признаков предэпидемиологического состояния того или иного региона, при этом рассматривает данный процесс как глобальную социально-политическую проблему. Цикличность кризисных явлений, в том числе и эпидемиологического процесса позволяет обществу применить превентивные меры защиты. Условия пережитой нами эпидемии могут стать для системы государ-

³ Долгосрочный прогноз был впервые опубликован в Бюллетене «Столичные данные» в Пулковской обсерватории и ведущем эпидемиологическом журнале (ЖМЭИ) в 1965-1966 гг.

ственного управления новой вехой, которая в том числе сделает акцент на программах прогнозирования.

Выход из системы противоковидных ограничений, который также потребовал от системы управления дополнительных решений и действий, практически совпал с известными событиями весны этого года, когда по российской экономике был нанесен удар в виде беспрецедентных в мировой истории экономических санкций. Впрочем, справедливости ради, стоит сказать, что жизнь под санкциями для России началась не в 2022, и даже не в 2014. Уже в 30-е годы прошлого столетия Россия подвергалась санкциям Запада, которые были связаны с Великой Октябрьской социалистической революцией. И в последующие годы существования Советского Союза санкции в том или ином завуалированном виде были неотъемлемой частью отечественной экономики. Согласно докладу Российского Совета по международным делам 2021 года (Тимофеев, 2021) за период с 5 января 2020 года по 10 января 2021 года в общей сложности в мире было зафиксировано 850 санкций, инициатором которых в 53% случаях были США, 22% – страны ЕС, Россия в этой диаграмме имеет 2%. Интересен также тот факт, что с деятельностью ООН из 850 санкций связано только 58 событий. Хотя в плоскости международного права только участие ООН придает санкционному списку статус многосторонних ограничений, в противном случае санкции имеют характеристику «односторонних». Относительно стран, против которых были направлены санкции, Иран (123), Китай (94), Россия (93) занимают тройку лидеров, на которых пришлось более трети всех санкций данного периода.

Эффект санкционной политики трудно оценить, так как многие факторы имеют весьма долгосрочную перспективу. Для описания современной ситуации можно вполне использовать термин термодинамики и синергетики «точка бифуркации», ситуация, при которой система достигает своего критического состояния и начинает испытывать неустойчивость и неопределенность. Выхода два: или переход в хаотичность, или на новый более высокий дифференцированный уровень. В условиях России возможен только второй вариант. И это связано опять же с системными процессами. Запущенный санкционный процесс, направленный на подрыв экономики отдельно взятой страны, в ситуации глубокой

интеграции современных экономик, не может оставаться точечным и не иметь прямого воздействия на другие части мировой экономической системы. Для России санкционный вызов – это возможность трансформации национального процесса воспроизводства: поставлены новые актуальные задачи, будут запущены иные механизмы и процессы, обновлены правила игры. Стратегическая линия перемен станет константой в ближайшей перспективе не только для России, но и для мировой системы в целом. Новый институциональный дизайн потребует определения новых линий целеполагания. В вопросах трансформации системы государственного управления стоит остановиться на экзогенном и эндогенном факторах. В первом случае речь идет об отношении граждан к государству и его способности осуществлять свой функционал в полном объеме, а второй фактор – это связь с политическими элитами, а также эффективность сложившейся системы управления в противостоянии угрозам сохранения власти и оценкам эффективности самой модели администрирования. Эффективность изменения институционального дизайна зависит от ряда причин, среди которых можно выделить доминирующие.

Во-первых, это тактический рисунок реализации стратегии, который имеет как федеральный, так и региональный компонент. Во-вторых, это эффективная работа управленческой команды по реализации стратегии. В-третьих, уровень общественной поддержки принимаемых и реализуемых решений. В контексте нашего исследования важным становится региональный срез проблемы. Научная проработка темы в данном вопросе отсутствует; между тем, вопросы последствий и антикризисного планирования в ее среднем, региональном звене, требуют особого внимания. Однако следует предположить, что вследствие разнообразия региональных экономических структур влияние санкций на пространственную картину российской экономики будет не менее значимым и столько же дифференцированным, как и для отраслевого «среза» этого негативного воздействия. По сути, отраслевые и пространственные аспекты воздействия санкций часто представляют собой две стороны одной медали. Отличие, однако, состоит в том, что отраслевые аспекты негативного влияния санкций на российскую экономику видны более отчетливо и отсле-

живаются быстрее, нежели их воздействие на пространственное развитие государства. Соответственно, меры противодействия санкциям в отраслевом аспекте могут быть сформированы быстрее, нежели станет возможным выявить региональные особенности санкционного воздействия и целевым образом отреагировать на его пространственные аспекты (Иванов, Бухвальд, 2022). Поддержка региональных практик антикризисной политики сегодня является новой формой взаимодействия регионов и центра. В настоящее время эти процессы регулируются следующими документами: «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» (Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 года № 13)⁴ и «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р)⁵. Среди мер, которые предпринимает Правительство в 2022 году – это возможности реструктуризации бюджетных кредитов, освобождение от задолженностей по бюджетным займам, временное снятие ограничения на величину резервных фондов и др. Но бюджетные проблемы не единственные и далеко не главные в современных реалиях. «Помимо бюджетных проблем важное препятствие эффективной антисанкционной политики на региональном уровне заключено в том, что в большинстве случаев слабым звеном систем стратегического управления в субъектах Российской Федерации является отсутствие полноценного механизма «обратной связи». Речь идет о механизме, обеспечивающем гибкое и оперативное реагирование на поведение всех систем управления – не просто на текущее состояние управляемой системы, но и на возможные факторы негативного влияния, связанные с ними риски, формирующие возможность достаточно сложных ситуационных подходов» (Иванов, Бухвальд, 2022).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 года № 13 «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»/

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 года № 207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

Москва с первых дней санкционного кризиса активно включилась в оперативную работу, в которой нам безусловно помогает опыт двухлетней давности. Началась работа с федеральным центром и другими регионами над антикризисным планом. Было налажено взаимодействие с федеральными министерствами и ведомствами, Аппаратом Правительства для отработки предложений субъектов РФ, обеспечения учета их интересов в рамках вновь принимаемых пакетов мер федеральной поддержки. 16,5 тысяч организаций Москвы обратились за антикризисной поддержкой буквально в самом начале введения санкций. В июне общий объем оказанной помощи составил почти 20 миллионов рублей. Плановый объем будет доведен до 46 миллионов рублей. Более 70 системных мер принято Правительством Москвы к середине этого года, и процесс продолжает набирать обороты, учитывая стремительно меняющиеся реалии, переход экономики страны на новые рельсы, с новыми задачами и целями. Нить натяжения нового глобального вызова натянута до предела. Мы все чаще и чаще сегодня используем слово «впервые», требуется быстрое принятие безотлагательных решений в условиях, когда нет права на ошибку. Система управления Москвой вновь проходит тестирование на эластичность и способность к трансформации. В кратчайшие сроки Правительством Москвы была создана Комиссия по повышению устойчивости развития экономики в условиях санкций, в которую депутатами Думы и депутатскими объединениями были переданы предложения о 163 системных, регуляторных и финансовых мерах поддержки экономики и граждан. Из них в том или ином виде и на разных уровнях реализованы 69.

Любой кризис – это не только проблемы, но и возможности. Если говорить о Московской городской думе и о законодательной власти в целом, то общая задача – это в первую очередь актуализация нормативно-правовой базы, которая откроет российской и московской экономике окно этих самых возможностей. Помочь сделать рывок в эти непростые санкционные времена. Но стоит отметить, что важно совершенствовать и правоприменение – развивать систему непосредственной реализации принятых инициатив. По Конституции у нас три ветви власти. Немалую роль также играют и организации, институты, властью не являющиеся,

но тем не менее непосредственно претворяющие в жизнь те или иные решения.

В частности, хочется отметить организации, непосредственно контактирующие с предпринимательским сообществом, с теми, кто инвестирует в промышленность и инновации. Речь как раз идет о региональных институтах развития, которые мы рассматривали ранее, структурах, созданных властями с целью поиска и привлечения инвесторов, а также сопровождения и координации инвестиционных проектов, развития отраслей важных для региональных экономик. В конечном счете именно региональное развитие, основанное на конструктивном взаимодействии власти и бизнеса, является драйвером развития всей страны.

Москва имеет обширный опыт создания и функционирования таких структур (в той или иной организационно-правовой форме). Перечислим лишь некоторые из них:

- Городское агентство управления инвестициями. Осуществляет сопровождение инвестиционных проектов в режиме «одного окна», разрабатывает экономические и юридические условия их реализации, внедряет системные меры по улучшению инвестиционного климата и является оператором Инвестиционного портала города Москвы.
- ГБУ Малый бизнес Москвы. Помогает запускать стартапы и получать поддержку для развития от Правительства Москвы.
- Агентство инноваций Москвы. Работает над развитием инновационной экосистемы Москвы, формируя бизнес-комьюнити для нетворкинга стартапов, корпораций, инвесторов и города.
- Московский инновационный кластер. Создает экосистему продуктов и сервисов, а также условия, необходимые для эффективного развития инноваций и новых проектов.
- Фонд содействия кредитованию малого бизнеса Москвы. Гарантийный фонд, помогает решать проблему нехватки собственного залогового обеспечения представителей малого и среднего бизнеса, предоставляя поручительства по кредиту, банковской гарантии, аккредитиву, лизингу и факторингу.

- Агентство креативных индустрий. Центр развития и поддержки творческого бизнеса и креативной инфраструктуры города Москвы. Для Москвы это очень важная тема: креативные индустрии преобразуют мегаполис, это один из драйверов развития крупных городов.

Этот перечень далеко не полон⁶. В других субъектах подобные институты развития также присутствуют, но далеко не в таком количестве⁷. Вместе с тем именно такие институты показали свою эффективность как в пандемию, так и прекрасно показывают себя сейчас. Они действуют, что называется на передовой, и во многом обеспечивают быстроту реализации принимаемых мер, а это крайне важно в сложившихся условиях. Конечно, каждый субъект РФ должен самостоятельно определять, как приоритеты своего развития, так и приоритеты поддержки тех или иных сфер, и Москва всегда готова поделиться своим колоссальным опытом.

Впрочем, есть ряд системных аспектов, решение которых только предстоит нащупать. Это связано с существующим противоречием прогнозируемой долгосрочности экономических санкций и «оперативностью» принятия санкционных мер. «Эта опасность складывается в силу недостаточной согласованности (вследствие заранее разработанных алгоритмов) действий органов власти «по горизонтали» и «по вертикали», неполного учета отраслевой и пространственной специфики экономических и социальных последствий санкций, а также возможностей использования механизмов государственно-частного и муниципально-частного партнерства. Неслучайно в экспертной среде события 2022 года генерировали идею необходимости полагаться в подобных случаях не только на действия экстренного характера, но и на целесообразность осуществлять превентивное стратегическое прогнозирование и реагирование на вызовы и потенциальные угрозы долгосрочного характера» (Иванов, Бухвальд, 2022).

Заключая, можно утверждать, что системный подход к преодолению в качестве метода преодоления кризисных явлений различного порядка

⁶ См. подробнее на mos.ru: <https://www.mos.ru/dpir/organizations/?page=1>

⁷ См., например, на портале промышленных парков России: <https://russiaindustrialpark.ru/article/agentstva-i-korporacii-razvitiya-rossii-rf-spisok-perechen-kontakty?ysclid=184gmmanae696676627>

позволяет выработать эффективную модель практических действий в условиях кризиса, когда управленческие решения опираются на траектории трансформации, которые позволяют на старте решать более крупные проблемы, становясь катализатором дальнейших изменений. Москва на всех этапах кризиса была флагманом в принятии инновационных решений. Региональный опыт столицы интересен как пример успешных программ преодоления глобальных кризисов современного этапа, в частности, эпидемии COVID-19 и действий в условиях антироссийских санкций.

Received: October 25, 2022

Accepted: November 21, 2022

UDC: 351

Public Administration

Transforming Public Administration during the Crisis: the Experience of Moscow

Alexei V. Shaposhnikov, Chairman of the Moscow City Duma, PhD in Law,
Honored Lawyer of the Russian Federation, Russia.
E-mail: predsedatel@duma.mos.ru

Abstract: The article reviews methodological approaches to the study of crisis phenomena in society, formulated the most important components of the systems approach to the understanding of crisis processes experienced by society in different periods of its history. Crises have a direct impact on the activities of state and regional authorities. The author analyses the experience of Moscow in overcoming crisis phenomena during the COVID-19 pandemic and in the conditions of the sanctions policy against Russia and proposes to consider it as a benchmark for building anti-crisis measures in the system of public administration.

Keywords: crisis management, institutional design, crisis management strategy, COVID-19, anti-Russian sanctions

Список литературы / References:

- Гегель Г. (1974). *Энциклопедия философских наук*. Т.1.М. «Мысль».
- Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. (2022). Санкции и контрмеры в российской экономике (региональный аспект). *Этап*. № 4. С. 7–27.
- Китайкина А.Е. (2021). Кризис современного государственного управления. *Молодой ученый*. № 50(392). С. 451–453.
- Купряшин Г.Л. (2015). Кризисы государственного управления: неинституциональный подход. *Государственное управление. Электронный вестник*. № 51. С. 56–84.

Норд Д. (1993). Институты и экономический рост: историческое введение. THESIS. № 2. С. 69–91.

Попов Е.В., Власов М.В., Симахина М.О. (2010). Институты регионального развития экономики знаний. *Региональная экономика. Теория и практика*. № 4. С. 2–7.

Суходольский Г.М. (2019). Конституционно-правовые основы взаимодействия в системе государственной власти Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Казань.

Тимофеев И.Н. (2021). «Санкции против России: взгляд в 2021 г.: доклад 65/2021 Российский совет по международным делам (РСМД). М: НП РСМД. 24 с.

Шимановская Я.В. (2020). Самосохранительное поведение жителей города Москвы в период пандемии COVID-19. *Вопросы управления*. № 5. С. 29–35.

Ягодинский В.Н. (2006). Учение о циклах эпидемий. Гелиоэпидемиология: стратегия и прогноз. Москва–Терика.

Roland, G. (2004). Understanding Institutional Change: Fast-Moving and Slow-Moving Institution. *Studies in Comparative International Development*, 4, 109–131.

Thomas, W.I. (1909). *Source Book for Social Origins: Ethnological Materials, Psychological Stand-point, Classified and Annotated Bibliographies for the Interpretation of Savage Culture*. Boston: Gorham Press. Pp. 16–22.

Разработка экономического инструментария стабилизации экономики региона: опыт Ярославской области

И.В. ТРЕГУБ¹

Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия)

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы экономической устойчивости региональной экономики. Целью работы является разработка инструментария стабилизации региональной экономики. В качестве объекта исследования был выбран российский регион – Ярославская область. Для достижения цели были применены методы корреляционно-регрессионного анализа. Исследование эффективности инвестиций в различные сектора экономики Ярославской области показало, что наибольшую отдачу дают инвестиции в добычу полезных ископаемых и строительство. Модернизация производств с целью повышения производительности труда на современном этапе не приведет к значимому увеличению прибыли экономики Ярославской области – гораздо эффективнее инвестировать в строительство и добычу полезных ископаемых.

Ключевые слова

экономика региона, эконометрическая модель, внутренний региональный продукт, валовая прибыль экономики

Для цитирования

Трегуб И.В. (2022). Разработка экономического инструментария стабилизации экономики региона: опыт Ярославской области. *Управление и политика*, 1(3), С. 27–34.

¹ Трегуб Илона Владимировна – д.э.н., профессор департамента математики, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия.
E-mail: ITregub@fa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

В современных условиях обострения конкуренции и негативного влияния кризиса одной из составляющих эффективности отечественной экономики является перспектива развития отдельных регионов страны, в связи с чем все большее значение приобретает исследование устойчивости региональной экономики в условиях внешних вызовов и нахождение экономических инструментов государственного управления для выхода из кризиса и стабилизации экономики региона. Экономические кризисы традиционно оказывают влияние не только на социально-экономическое развитие государств, но и на экономику отдельных территорий.

Ярославская область характеризуется интенсивными внешнеэкономическими связями и значительными объемами экспорта продукции преимущественно первичной переработки нефти и полуфабрикатов, обладает значительным и разнообразным промышленным и транспортным потенциалом, во многом определяющим перспективы развития региона². С одной стороны, к преимуществам Ярославской области можно отнести сбалансированную структуру ее экономики; с другой – наличие производств, связанных с экспортом продуктов нефтепереработки и нефтехимии в текущей ситуации является угрозой стабильности экономики региона³.

Целью данного исследования является выявление переменных, оказывающих существенное влияние на экономику региона и разработка модели для определения степени их воздействия.

* * *

Влияние кризиса на экономику региона подробно описано Ф.Н. Завьяловым (Завьялов, 2012). Автор рассматривает посткризисную экономику

² Ярославская область / Статистически ежегодник 2010. (2011). Ярославль. С. 225–238. Стратегия социально-экономического развития Ярославской области до 2030 года (Утверждена постановлением Губернатора области от 22.06.2007 № 572 в редакции постановления Губернатора области от 18.12.2007 № 1146) от 6 марта 2014 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/412703993>

³ Фоменко М.А. Об устойчивом развитии Ярославской области / Центр устойчивого развития и здоровья среды, 2017. URL: <http://www.sustainabledevelopment.ru/index.php?id=32>

Ярославской области, демонстрирует влияние мирового кризиса на экономику и социальную сферу региона, определяет направления и отрасли, которые сумели справиться с экономическими последствиями к 2010 г., а также остаются в стагнации и не достигли докризисного уровня. Так, производство машин и оборудования в Ярославской области уменьшилось на 20,7%, производство химической продукции – на 19,2%, производство кожи и изделий из кожи – на 19,3%.

Потенциально нынешний кризис может затронуть отрасли и предприятия, которые сохраняли значительный объем экспорта в страны дальнего зарубежья или импортировали продукцию, сырье, полуфабрикаты из-за границы, а также деятельность, в которой широко использовалось банковское кредитование. При строительстве дорожают материалы, топливо, энергия, увеличиваются заработные платы, амортизация и другие затраты. Социальные факторы также стали причиной спада производства и экономического кризиса. Возросла безработица, а динамика реальных доходов населения свидетельствует о снижении уровня денежного вознаграждения, так как рост инфляции был более интенсивным, чем рост доходов.

Как известно из открытых источников, многие предприятия Европы и США, почувствовав снижение покупательной способности населения, начали снижать цены на потребительские и промышленные товары. В России этого не произошло, а инфляция и рост цен на продукцию были достаточно высокими.

Относительно непромышленные отрасли, обслуживающие другие сектора, помимо оптовой торговли, практически не ощутили на себе влияние кризиса, наблюдается рост в строительстве, розничной торговле, гостиничном и ресторанном бизнесе, транспорте, операциях с недвижимостью, сфере связи.

В настоящее время можно отметить, что в целом экономические показатели подросли, что свидетельствует о выходе из кризиса; прежде всего это касается химической промышленности, импорт которой почти в три раза превысил докризисный уровень.

* * *

Настоящее исследование опирается на анализ динамики ключевого показателя устойчивого экономического развития – валовой прибыли экономики Ярославской области. Данные статистики взяты с официального сайта Федеральной службы государственной статистики по Ярославской области за период с 2004 по 2021 год⁴. Как видно из графика пандемия 2020 г. привела к снижению доходов экономики области, которую в 2021 году удалось стабилизировать. Однако по оценке аналитического агентства Эксперт РА в 2022 году вновь ожидается снижение внутреннего регионального продукта области на 1,26 процента⁵.

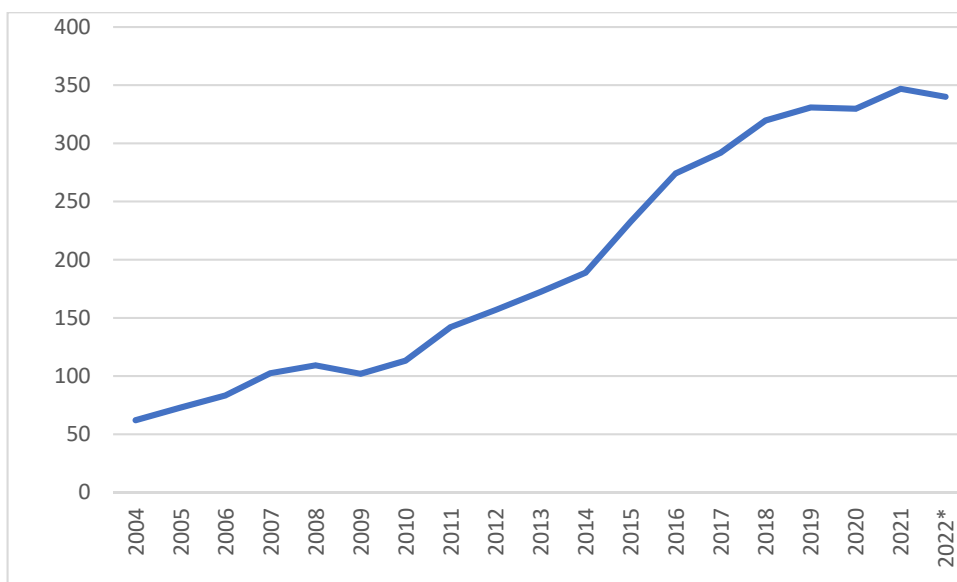

Рис.1. Валовая прибыль экономики Ярославской области, млрд руб.

Fig.1. Gross economic profit of the Yaroslavl region, billion rubles

Источник: Составлено автором

⁴ Основные показатели развития региона / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ярославской области. URL: <https://yar.gks.ru/folder/36644>

⁵ «Эксперт РА» подтвердил кредитный рейтинг Ярославской области на уровне ruA / Expert RA. URL: <https://www.raexpert.ru/releases/2022/jul20>

В связи с этим интерес представляет выявление факторов, способных стать экономическим инструментом государственного и муниципального управления экономикой области. Для этого были разработаны эконометрические модели, в которых в качестве эндогенной переменной были выбраны Валовая прибыль (GDP_t) экономики Ярославской области. Полный список переменных моделей представлен в Таблице 1.

Имя переменной	Обозначение	Единица измерения
Валовая прибыль	GP	млрд рублей
Оборот организаций экономической деятельности	TO	млн рублей
Государственные расходы на душу населения	G	тыс. рублей
Индекс производительности труда	LPI	% к соотв. периоду предыдущего года
Инвестиции в основной капитал (в фактически действовавших ценах)	I	млн рублей
Инвестиции в Сельское хозяйство, охоту и лесное хозяйство	IF	% от всех инвестиций
Инвестиции в Добычу полезных ископаемых	IM	% от всех инвестиций
Инвестиции в Обрабатывающие производства	IP	% от всех инвестиций
Инвестиции в Строительство	IS	% от всех инвестиций
Инвестиции в Государственное управление и обеспечение военной безопасности	IG	% от всех инвестиций
Инвестиции в Образование	IE	% от всех инвестиций
Инвестиции в Здравоохранение и предоставление социальных услуг	IH	% от всех инвестиций

Таблица 1. Эндогенные и экзогенные переменные модели

Table 1. Endogenous and exogenous model variables

Источник: Составлено автором

В результате оценки и тестирования коэффициентов модели, а также проверки предпосылок теоремы Гаусса-Маркова и адекватности разработанных моделей были сделаны ряд выводов: валовая прибыль экономики Ярославской области менее чем на один процент объясняется производительностью труда (таблица 2). При этом переменная Производительность труда не является значимой.

Таблица 2. Модель 1.

ВЫВОД ИТОГОВ

Регрессионная статистика

Множественный R	0,094
R-квадрат	0,09
Нормированный R-квадрат	0,08
Стандартная ошибка	91,36
Наблюдения	13

Дисперсионный анализ

	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>Знач F</i>
Регрессия	1	832,14	832,14	0,075
Остаток	11	91832,2	8348,38	
Итого	12	92664,4		

	<i>Коэфф.</i>	<i>Ст. ошибка</i>	<i>t-стат</i>
Y-пересечение	-61,8	869,67	-0,07
Индекс производительности труда	2,7	8,481	0,31

Вместе с тем семь процентов роста валовой прибыли объясняются инвестициями в основной капитал, причем каждый вложенный миллион приносит 5,16 млн прибыли (таблица 3).

Таблица 3. Модель 2.

ВЫВОД ИТОГОВ

Регрессионная статистика

Множественный R	0,27
R-квадрат	0,07
Нормированный R-квадрат	0,08
Стандартная ошибка	65,39
Наблюдения	8,00

Дисперсионный анализ

	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>Знач F</i>
Регрессия	1	2029,71	2029,71	0,052
Остаток	6	25657,16	4276,19	
Итого	7	27686,87		

	<i>Коэфф.</i>	<i>Ст. ошибка</i>	<i>t-стат</i>
Y-пересечение	-38,45	444,78	-0,09
Инвестиции в основной капитал	5,16	2,12	2,43

Исследование эффективности инвестиций в различные сектора экономики Ярославской области показало, что наибольшую отдачу дают инвестиции в добычу полезных ископаемых и строительство (таблица 4).

Таблица 4. Модель 3.

	<i>Коэффициенты</i>	<i>P - Значение t - статистики</i>
Y-пересечение	162,03	0,07
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,46	0,11
Добыча полезных ископаемых	3749,14	0,06
Обрабатывающие производства	2,09	0,01
Строительство	253,38	0,08

Так один миллион инвестиций в добычу полезных ископаемых приводит к увеличению валовой прибыли экономики Ярославской области на 3749 млрд рублей, в строительство на 253 млрд рублей.

Проведенный анализ показал, что модернизация производств с целью повышения производительности труда на современном этапе не приведет к значимому увеличению прибыли экономики Ярославской области. Гораздо эффективнее инвестировать в строительство и добычу полезных ископаемых.

Received: October 20, 2022

Accepted: November 16, 2022

UDC: 351, 332.1

Public Administration

Development of Economic Tools for Stabilizing the Regional Economy: the Case of Yaroslavl Oblast

Ilona V. Tregub, Doctor of Economics, Professor of the Department of Mathematics,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia.
E-mail: ITregub@fa.ru

Abstract: The article deals with the issue of economic sustainability of the subnational economy. The aim of the study is to identify tools for stabilizing the regional economy. The Russian region – the Yaroslavl Oblast – was chosen for the study. To achieve the aim, methods of correlation and regression analysis used applied. A study of the effectiveness of investments in various sectors of the economy of the Yaroslavl region has demonstrated that investments in mining and construction give the greatest profit. Modernization of production in order to increase labor productivity at the present stage will not lead to a significant increase in the profits of the economy of the Yaroslavl Oblast – it is much more efficient to invest in construction and mining.

Keywords: regional economy, econometric model, domestic regional product, gross profit of the economy

Список литературы / References:

Завьялов Ф.Н. (2012). Вышла ли экономика Ярославской области из экономического кризиса? *Ярославский педагогический вестник*. № 4. Том I (Гуманитарные науки). С. 110–116.

Майн Е.Р. (2001). Экономика региона: проблемы комплексного развития (на материалах Ярославской области). М.: Новый Логос.

Правовое регулирование научной сферы в России и США

А.А. ВАСИЛЬЕВ¹

Алтайский государственный университет (Россия)

Ю.В. ПЕЧАТНОВА²

Алтайский государственный университет (Россия)

Аннотация

Статья посвящена исследованию специфики правового регулирования научной сферы в России и США, выявлению особенностей правового регулирования, обозначение основных проблем и формирование предложений по их устранению. Актуальность работы выражена в приоритетности научной сферы в условиях глобальной конкуренции и важности ее качественного правового регулирования. Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы и специальные научные методы, в том числе сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Авторами проведен правовой анализ нормативных правовых актов, посвященных регулированию научной сферы в России и США, выделены уровни правового регулирования, отмечены особенности и специфические черты правового регулирования, подчеркнуты сходства и различия в подходах к правовому регулированию, проанализирована история становления и развития науки как социального института в обоих государствах, изучены истоки общей ключевой проблемы бессистемности правового регулирования обозначенного предмета в обеих странах.

Ключевые слова

правовое регулирование, наука, инновации, научно-техническое развитие, научное право, Россия, США

Для цитирования

Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Правовое регулирование научной сферы в России и США. *Управление и политика*, 1(3), Р. 35–57.

¹ **Васильев Антон Александрович** – д.ю.н., профессор, директор юридического института, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Алтайский государственный университет, Россия.
E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

² **Печатнова Юлия Вадимовна** – ассистент кафедры теории и истории государства и права, Алтайский государственный университет, Россия.
E-mail: jp_0707@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых докторов наук «Феномен научного права: российское и международное измерение» № МД-233.2021

Обособление научной сферы в качестве самостоятельного предмета правового исследования приходится на вторую половину прошлого столетия, ознаменовавшуюся свершением очередной научно-технической революции и началом активной перестройки индустриального общества в постиндустриальное. Научный переворот сопровождался ростом научных открытий в сфере нанотехнологий, компьютеризации, цифровизации и т.д. Постепенно акцент государственной политики сместился с промышленного на цифровое производство, в котором наука стала играть еще более существенную роль. В настоящее время научно-техническая сфера является приоритетным направлением государственной политики большинства стран мира.

Российская государственная политика устремлена к повышению научно-технического потенциала страны, развитию инвестиционных кластеров. Вместе с тем бесспорным мировым лидером по инвестиционной привлекательности и средоточием венчурных капиталовложений продолжает оставаться американская Кремниевая долина.

Идея настоящего исследования заключается в изучении специфики правового регулирования научной сферы в России и США с целью выявления позитивного опыта создания правовых условий для разработки и внедрения новейших прикладных технологий и развития фундаментальных исследований в указанных государствах, а также в целях обозначения проблем правового регулирования научной сферы деятельности.

* * *

Настоящее исследование включает три этапа. Первый этап – анализ российского правового регулирования научной сферы. Второй этап – исследование американского регулирования. Третий этап – сравнительно-правовой анализ российского и американского подходов к правовому регулированию научной сферы.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ и синтез, системный подход, исторический метод, сравнительный, логико-исторический анализ, выявление причинно-следственных связей) и специальные научные методы. Общенаучные методы позволяют обрабатывать, анализировать и сопоставлять правовые тексты, посвященные правовому регулированию науки.

К специальным юридическим научным методам относятся сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Сравнительно-правовой метод позволил провести сравнительные исследования и анализ различных подходов к правовому регулированию научной сферы в России и США. Формально-юридический метод способствует формальному анализу правовых актов и выявлению законодательных противоречий и пробелов в правовом регулировании научной сферы в России и США.

Среди ограничений используемой методологии следует отметить невозможность полноценного использования формально-юридического метода, поскольку правовое регулирование научной сферы зачастую представлено нормативными документами программного или стратегического характера.

Вместе с тем видится, что сочетание вышеуказанных методов позволяет провести качественное исследование проблем правового регулирования научной сферы в России и США.

Комплексные научные исследования по заявленной проблематике отсутствуют как в отечественной, так и в американской правовой науке.

Тематика правового осмысления научной сферы в отечественной юриспруденции впервые была отражена в работах советских ученых Федькина И.Г., Дозорцева В.А., Зенина И.А., Ринга М.П. В современных диссертационных исследованиях российских авторов уделяется внимание проблемам правового регулирования сфере науки, например, в работах В.Н. Гордей, Л.Г. Берлявского, В.П. Барановой, Е.К. Нечаевой. Ряд диссертационных исследований посвящен проблемам правового статуса ученого, которые непосредственно касаются проблем правового регулирования указанной сферы (работы О.Ю. Осиповой, С.М. Никифорова, Л.Ю. Черноморской). Вместе с тем комплексно правовые аспекты

регулирования научной сферы в рамках российских диссертационных работ не исследованы.

Для американской правовой научной литературы в принципе нехарактерны теоретические дискуссии относительно целей, методов и функций осуществления правового регулирования научной деятельности. Как правило, американская дискуссия относительно правового регулирования научной сферы сводится к обсуждению необходимости установления пределов научной свободы ученого. Указанные научные дебаты, в свою очередь, предопределены активным развитием генной инженерии, современных биотехнологий и иных новейших технологий, принципы разработок которых неминуемо сталкиваются с существующими этическими и гуманистическими принципами.

Так, например, пределам правового регулирования научной сферы посвящены работы А. Чемберлена, М. Стеффана, Дж.П. Фитцпатрика и др. Анализу научно-образовательной среды, в целом, как предмету законодательного внимания посвящены работы А.А. Болонкина, Дж. Ю. Стиглица, М. Фридмана, Ф.Г. Кумбса, В. Поттера, Р. Шмидта и др. Однако ввиду того, что в исследовательских работах указанных авторов акцент сделан на образовании и высшей школе, то изучению правового регулирования науки уделяется внимание лишь постольку, поскольку наука касается высшего образования.

Таким образом, новизна настоящего исследования состоит в том, что в предшествующих работах акцент был сделан на отдельных проблемных вопросах правового регулирования научной сферы, однако ни в России, ни в США не проводилось обобщающих исследований в сравнительно-правовом аспекте на тему правового регулирования научной сферы в указанных странах.

Правовое регулирование научной сферы в России

Развитие российской науки в ее классическом понимании началось с эпохи преобразований Петра I, учредившего Петербургскую академию наук, ставшую прародительницей современной Российской академии наук. Таким образом, наука как социальный и политико-правовой

институт появилась в России только в первой четверти XVIII века и первоначально строилась по принципу «копирования» западных идей.

К началу XX века организационная модель отечественной науки отчасти достигла самостоятельности и структурной упорядоченности, в связи с чем, по оценкам некоторых ученых, переживала в этот период свой бурный, но недолгий рассвет (Юдин, 1993, с. 91-93). Однако даже в этот прогрессивный период российская наука продолжала институализироваться по западным образцам, подражая и значительно уступая им, будучи не в силах повторить «оригинал» (Волобуев, 1987).

Правовое положение науки в послереволюционной России – это весьма неоднозначное явление, пронизанное спецификой взаимоотношений науки и власти, противостоянию академической свободы и диктуемой идеологии.

Спецификой советского подхода к правовому регулированию научно-технической сферы являлось то, что приоритетным направлением стала мобилизация научно-технического потенциала для строительства социализма и самоизоляция отечественной науки от достижений мировой науки (Берг, 2014, с. 1155-1160)

Тем не менее, в естественных и технических науках идеологизация науки отчасти имела декоративный характер, так как все же имен развитие промышленности и наращивание военно-стратегического потенциала посредством создания передовых вооружений стало двигателем науки, и это позволяло ученым-естествоиспытателям пользоваться чуть большей свободой, нежели их коллегам – ученым-теоретикам.

Перестройка 1990-х гг. затормозила научно-техническое развитие. Государственная политика была сориентирована, прежде всего, на формирование правовой оболочки качественно новых политических и социально-экономических отношений, которые на время затмили сферу правового регулирования науки.

В современной России принят целый ряд законодательных актов, направленных на решение этой проблемы. Ключевым нормативно-правовым актом, которому иногда придается значение кодифицированного акта, является Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Федеральный

закон №127-ФЗ), направленный на правовое регулирование отношений между субъектами научной деятельности, органами государственной власти и потребителями научной продукции.

Следует отметить, во-первых, что из очерченного Федеральным законом №127-ФЗ предмета правового регулирования исключены органы местного самоуправления, а также бизнес-сообщество, включая инвесторов. Видится, что и те, и другие зачастую являются непосредственными участниками научно-правовых отношений, в связи с чем не могут быть исключены из сферы правового регулирования.

Во-вторых, Федеральным законом №254-ФЗ от 21.07.2011 г. в указанную норму, а также в иные нормы поименованного федерального закона были внесены изменения, в частности указано, в том числе, на отношения «по предоставлению государственной поддержки инновационной деятельности». Видится, что с внесением указанных изменений Федеральный закон №127-ФЗ приобрел статус не только закона о науке и научно-технической сфере, но и закона об инновациях, что, тем не менее, не следует из его названия (Бердашкевич, 2012, с. 100-104).

Статьей 1 Федерального закона №127-ФЗ установлено, что законодательство о науке и государственной научно-технической политике включает в себя непосредственно сам Федеральный закон №127-ФЗ, законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, принятые в соответствии с поименованным федеральным законом, законы и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, правовые акты органов публичной власти федеральной территории «Сириус».

Некоторыми исследователями акцентируется внимание на то, что в указанной норме отсутствуют указания на Конституцию Российской Федерации и Гражданский кодекс Российской Федерации (Берг, 2015, с. 3), которые непосредственно затрагивают правовое регулирование научной деятельности и правовую охрану результатов интеллектуальной деятельности.

Кроме того, согласно поименованной норме правовое регулирование научной сферы осуществляется исключительно на законодательном федеральном и (или) региональном уровнях. Вместе с тем, правовые акты органов местного самоуправления, правовые акты Российской академии наук и ее отделений, локальные нормативные правовые акты высших

учебных заведений, научно-исследовательских университетов и других научных организаций исключаются из сферы правового регулирования.

Представляется, что указанное Федеральным законом №127-ФЗ ограничение снижает правотворческие способности иных участников научной и (или) научно-технической деятельности. При этом в статье 7 указанного Федерального закона №127-ФЗ прямо предусматривается обратное, в частности, указывается на то, что управление научной и (или) научно-технической деятельностью осуществляется на основе сочетания принципов государственного регулирования и самоуправления.

Кроме того, статьей 15 Федерального закона №127-ФЗ предусматривается, что финансовое обеспечение научной, научно-технической, инновационной деятельности может осуществляться не только с привлечением средств федерального и регионального бюджета, но и за счет финансирования муниципальными образованиями. Иными словами, в самом законе прямо предусмотрены принципы самоуправления, но не предусмотрены правотворческие возможности для их реализации.

Следует отметить, что в Федеральном законе №127 поименованы ключевые субъекты научной деятельности, а именно: научный работник, специалист научной организации, работник сферы научного обслуживания, общественные объединения научных работников, научная организация и ее структурные подразделения, государственные академии наук, высшая аттестационная комиссия.

Правовой статус указанных субъектов научного права закреплен статьями 4-6.1 Федерального закона №127-ФЗ. Указанный перечень субъектов носит достаточно условный характер. Так, помимо вышеперечисленных в правовых актах, употребляются иные наименования субъектов научной деятельности: ученый, молодой ученый, научный сотрудник, аспирант, профессорско-преподавательский состав и т.д.

В статье 11 Федерального закона №127-ФЗ регламентируются основные цели государственной научно-технической политики, в числе которых развитие, рациональное размещение и эффективное использование научно-технического потенциала, увеличение вклада науки и техники в развитие экономики государства, реализация важнейших социальных задач, обеспечение прогрессивных структурных преобразований

в области материального производства, повышение его эффективности и конкурентоспособности продукции, улучшение экологической обстановки и защиты информационных ресурсов государства, укрепление обороноспособности государства и безопасности личности, общества и государства, интеграция науки и образования. В обобщенном виде целью научно-технической политики можно обозначить рост общественного благосостояния.

В Федеральном законе №127 поименованы принципы российской государственной научно-технической политики, которые могут быть квалифицированы по следующим группам:

- Принципы приоритета: признание науки социально значимой отраслью, определяющей уровень развития производительных сил государства; гласность и использование различных форм общественных обсуждений при выборе приоритетных направлений развития науки, технологий и техники и экспертизе научных и научно-технических программ и проектов, реализация которых осуществляется на основе конкурсов; гарантия приоритетного развития фундаментальных научных исследований;
- Принципы интеграции: интеграция науки и образования на основе различных форм участия работников и обучающихся образовательных организаций высшего образования в научных исследованиях и экспериментальных разработках посредством создания лабораторий в образовательных организациях высшего образования, кафедр на базе научных организаций; развитие научной, научно-технической и инновационной деятельности посредством создания системы государственных научных центров и других структур; развитие международного научного и научно-технического сотрудничества Российской Федерации;
- Принципы финансирования: поддержка конкуренции и предпринимательской деятельности в области науки и техники; концентрация ресурсов на приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники; стимулирование научной, научно-технической и инновационной деятельности через систему экономических и иных льгот.

Таким образом, поименованные Федеральным законом №127-ФЗ принципы являются по своей сути установочными и подчеркивают приоритетность отрасли, предпочтительность интегративных форм осуществления научной деятельности, а также стимулирующий характер финансирования.

Вместе с тем следует отметить, что, например, принцип предпринимательской деятельности в области науки и техники, несмотря на свое легальное закрепление в Федеральном законе №127-ФЗ, является затруднительным для реализации (Лапаева, 2003, с. 4-5).

Само содержание указанного федерального закона подчеркивает его государственную ориентированность, ограниченность частного вмешательства, подотчетность и подконтрольность науки государству, что препятствует образованию необходимых условий на развития свободной, рыночной, предпринимательской научной деятельности.

Таким образом, видится, что цель создания Федерального закона №127-ФЗ – подготовка фундамента правового регулирования научной сферы – не оправдалась в полной мере. Закон получился поверхностным и бессистемным с нечетким предметом правового регулирования и противоречивым содержанием, являясь базовым, но не единственным правовым актом, посвященным правовому регулированию российской науки.

Иерархию источников правового регулирования отечественной науки можно представить следующим образом.

Уровень I. Конституционное правовое регулирование науки. Следует отметить, что научная сфера в отечественном конституционном правовом регулировании представлена довольно слабо. Так, статья 114 Конституции Российской Федерации наделяет Правительство Российской Федерации полномочиями по обеспечению проведения в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области науки и образования. Статья 72 Конституции Российской Федерации закрепляет, что вопросы развития науки и образования находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Таким образом, указанные статьи обозначают лишь органы, уполномоченные на принятие управленческих решений в области науки и образования.

Уровень II. Специальное федеральное законотворчество о науке. В указанную группу нормативных правовых актов входит, прежде всего, Федеральный закон №127-ФЗ, а также отдельные федеральные законы, направленные на правовое регулирование тех или иных аспектов научной деятельности. Например, Федеральный закон от 27.09.2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 07.04.1999 №70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации»; Федеральный закон от 16.10.2012 №174-ФЗ «О Фонде перспективных исследований»; Федеральный закон от 28.09.2010 №244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»; Федеральный закон от 02.11.2013 №291-ФЗ «О Российском научном фонде и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Уровень III. Общее федеральное законотворчество. Видится, что общие положения ряда нормативных правовых актов могут быть в той или иной мере применены к научно-правовым отношениям. Вместе с тем, особо следует подчеркнуть важность Гражданского кодекса Российской Федерации и Трудового кодекса Российской Федерации для правового регулирования науки. Так, Гражданским кодексом регулируются основные положения о вещном и обязательственном праве, имеющие применение в научной сфере в части, не противоречащей специальным нормативным правовым актам. Кроме того, Гражданский кодекс является базовым нормативным правовым актом, регулирующим права на результаты интеллектуальной научной деятельности. Трудовым кодексом регулируются особенности регулирования труда научных работников и руководителей и заместителей научных организаций. Кроме того, кодекс отдельными нормами указывает на особенности правового регулирования трудовой деятельности педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу. Указанные особенности вызывают дополнительную научную дискуссию о разделении правового статуса научных работников и педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, так как большинство научных работников одновременно замещают педагогическую деятельность,

и профессорско-преподавательский состав находится в неразрывном единстве с научной деятельностью.

Уровень IV. Подзаконное федеральное законотворчество о науке. Видится, что данный уровень представлен наиболее многочисленной группой нормативно-правовых актов. Как правило, указанный уровень правового регулирования направлен на закрепление некоторых гарантий, финансовой и грантовой поддержки ученых, а также фиксации стратегических целей научно-технического развития. К указанной группе нормативных правовых актов относятся: Указ Президента РФ от 16.09.1993 №1372 «О мерах по материальной поддержке ученых России»; Указ Президента РФ от 13.06.1996 №884 «О доктрине развития российской науки»; Указ Президента РФ от 09.02.2009 №146 «О мерах по усилению государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов и докторов наук»; Указ Президента РФ от 01.12.2016 №642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»; Постановление Правительства Российской Федерации от 24.12.2018 г. № 1652 «Об утверждении Правил взаимодействия федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия наук» и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации при осуществлении ими отдельных полномочий в соответствии с Федеральным законом «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 24.07.2002 г. №554 «О грантах Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук и их научных руководителей»; Постановление Правительства РФ от 27.04.2005 г. №260 «О мерах по государственной поддержке молодых российских ученых – кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 04.11.2006 г. №645 «О координации научных исследований и разработок гражданского назначения, финансируемых за счет собственных средств федеральных государственных унитарных предприятий и открытых акционерных обществ, контрольный пакет акций которых находится в федеральной собственности, направленных на реализа-

цию приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации, а также критических технологий Российской Федерации»; Паспорт национального проекта «Наука» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 г. №16).

Уровень V. Законотворчество субъектов Российской Федерации (на примере Алтайского края). В Алтайском крае приняты Закон Алтайского края от 11.10.1999 г. №48-ЗС «О научной деятельности и региональной научно-технической политике Алтайского края», Закон Алтайского края от 04.09.2013 г. №46-ЗС «О государственной поддержке инновационной деятельности в Алтайском крае». Несмотря на то, что указанные нормативные правовые акты нацелены на развитие региональной научно-технической политики, они в основном дублируют положения Федерального закона №127-ФЗ без учета региональной специфики развития науки в конкретном регионе (в данном случае, в Алтайском крае).

Уровень VI. Подзаконное нормотворчество субъектов Российской Федерации (на примере Алтайского края). Поставщиком норм указанного уровня правового регулирования выступает Правительство Алтайского края. В качестве примеров принимаемых правовых актов на данном уровне можно привести Постановление Правительства Алтайского края от 10.11.2017 г. №404 «О региональном совете (проектном офисе) по инновационному развитию Алтайского края», распоряжение Правительства Алтайского края от 13.12.2017 г. №398-р «Об утверждении состава Регионального совета (проектного офиса) по инновационному развитию Алтайского края». Министерство образования и науки Алтайского края принимает правовые акты, направленные на правовое регулирование, прежде всего, сферы образования.

Уровень VII. Муниципальные нормативные правовые акты (на примере города Барнаула). Как было показано на примере анализа положений Федерального закона №127-ФЗ, муниципальному научно-правовому нормотворчеству уделяется крайне слабое внимание. В этой связи правовые акты, принимаемые органами местного самоуправления города Барнаула, сводятся к введению поощрительных мер жителей муниципалитета

(например, решение Барнаульской городской Думы от 30.11.2018 г. №225 «О единовременных именных денежных выплатах главы города Барнаула студентам, аспирантам и докторантам»).

Как следует из представленного перечня нормативных правовых актов, правовое регулирование науки представлено рядом неоднородных нормативных правовых актов, большинство из которых было принято после вступления в силу базового, фундаментального свода норм о науке – Федерального закона №127-ФЗ. Причем российская наука существенно изменилась с 1996 г., а соответствующих качественных изменений (помимо включения в предмет правового регулирования инновационной деятельности) в Федеральный закон №127-ФЗ внесено не было.

Кроме того, за период с 01.01.2021 г. по 01.09.2021 г. в России только на федеральном уровне было принято более 100 нормативных актов, регулирующих научную сферу. Большинство из указанных правовых актов – акты органов исполнительной власти Российской Федерации, направленные на уточнение и дополнение ранее принятых документов (Серебряков, 2021, с. 226-235).

Таким образом, российская система правового регулирования науки стоит по принципу множественности дублирующих друг друга правовых актов, инкорпорируемых в единую сеть противоречащих друг другу документов.

Ввиду того, что правовое регулирование научной сферы опосредует реализацию государственной политики в научно-технической сфере, используемый в Федеральном законе №127-ФЗ подход к правовому регулированию науки не отвечает объективно существующей реальности (Гумеров, 2014, с. 333-340).

Отсутствие сбалансированного правового регулирования научной сферы ведет к проблемам научной деятельности. Так, наблюдается отчетливая тенденция к сокращению доли российских ученых в общем количестве ученых мира (Габов, 2017, с. 385-399). Видится, что повышению эффективности реализации научно-технической государственной функции будет способствовать принятие кодифицированного правового акта, служащего сводом законов о науке.

Правовое регулирование научной сферы в США

США занимает лидирующие мировые позиции по научно-техническим показателям, включая количество научно-технических открытий, число Нобелевских лауреатов, цитируемость американских научных работ и т.д. Успех американской науки проявляется в развитии таких передовых технологий как космонавтика, цифровые технологии, биотехнология, геномная инженерия и т.д. Вместе с тем история науки США не имеет такой многовековой традиции, как история науки Европы, России и других стран мира.

На первых этапах своего существования Америка была изолирована от Старого Света, что не могло не отразиться на развитии науки, которая на тот момент была сосредоточена преимущественно в английской и немецкой высших школах.

Весомый вклад в развитие американской науки внесли отцы-основатели США, которые одновременно являлись выдающимися учеными – Бенджамин Франклин и Томас Джефферсон. Бенджамина Франклина по той роли, которую он сыграл для американской науки, сравнивают с его современником – М.В. Ломоносовым, сыгравшим схожую роль для российской науки (Бурстин, 1993). По исторически объяснимым причинам до начала XX в. американская наука значительно уступала прогрессивному европейскому просвещению (Kevles, 1978).

Первые колледжи начинают появляться на территории Америки вскоре после начала колонизации. Гарвардский колледж был основан одним из первых. При этом основной целью создания колледжа послужила необходимость обучения пасторов. В брошюре 1643 г. назначение Гарварда было определено так: «Для прогресса знаний и их сохранения для потомства, опасаясь оставить в невежестве современных пасторов» (Wright, 2002).

Примечательно, что наименования известных американских колледжей, впоследствии ставших университетами, ассоциировались не с местностью, в которой они располагались, а с именами лиц, вложивших вклад в их развитие. Например, Гарвард своим названием обязан английскому министру Джону Гарварду, завещавшему ему библиотеку и часть своего

состояния (Geiger, 1993). Йель – купцу Элайху Йелю, также значительно пополнившему библиотеку университета и пожертвовавшему весомую денежную сумму на нужды университета. Стэнфордский университет – железнодорожному магнату Леланду Стенфорду, который основал университет в память об умершем единственном сыне.

Помимо колледжей с конца XVIII века в США активно создаются и развиваются различные научные сообщества. Например, Американское философское общество, Бостонское общество естествознания, Американская ассоциация содействия развитию науки, Американское географическое общество, Американское физическое общество, Американская академия искусств и наук и т.д.

Таким образом, специфика американской науки заключалась в том, что ее фундамент был заложен не амбициозным государем, а щедрыми меценатами.

Историческая драма XX века сыграла неожиданно положительную роль для американской науки. Когда Европа и Россия были охвачены Первой и Второй мировыми войнами, большое число ученых, стремясь покинуть истерзанный войнами континент, эмигрировали на территорию США, не затронутую линией фронта. Например, одним из первых великих эмигрантов XX века был Альберт Эйнштейн, в США из Европы приехал Н. Тесла, прозванный «человеком, который изобрел двадцатый век» (Loomas, 2013). К концу Второй мировой войны в США эмигрировали более 2400 германских ученых еврейского происхождения (Moser, Voena & Waldinger, 2014).

Учитывая, что сама по себе американская промышленная и социальная инфраструктура не были затронуты военными действиями, а США не были вынуждены принимать колоссальные меры по восстановлению послевоенного порядка, неудивительно, что к середине XX века США прочно заняли позиции научного лидера на мировой арене.

Дополнительным стимулом для развития американской науки стала холодная война, предопределившая гонку советских и американских научных амбиций. Но, в отличие от СССР, столкнувшегося с другой исторической драмой XX века – своим скоропалительным распадом и очередной необходимостью выстраивания новой политики – научно-техническое

развитие США беспрепятственно продолжило свой эволюционный путь (Барабашев, Пономарева, 2019).

Развитие научного права в США началось в XVIII веке с принятия законов в сфере защиты интеллектуальной собственности.

В период гражданской войны 1861-1865 гг. в США активно внедрялась практика применения военных контрактов в целях развития военной и в последующем гражданской промышленности, что стало основой для зарождения партнерства между государством и наукой (Куркова, 2020).

Несмотря на практику применения государственных научных заказов, в начале XX века научные исследования в США в большей степени финансировались за счет частных компаний. В этой связи акцент, прежде всего, был сделан на прикладных науках в целях внедрения результатов научной деятельности на производстве. Указанная тенденция крайне негативно сказывалась на развитии фундаментальной науки.

Научно-техническая политика США изменилась в середине XX века, когда государство активно включилось в регулирование и финансирование научно-технической деятельности США. Однако с 1990-х годов в США вновь последовательно реализуется доктрина глобальной технологической конкурентоспособности, которая предполагает, прежде всего, увеличение финансирования научно-исследовательской деятельности в целях доведения ее результатов до коммерческого использования на мировом рынке (Авдулов, Кулькин, 2003). На сегодняшний день самыми крупными и известными научными организациями США являются Национальный научный совет, Национальный научный фонд, Национальное управление аэронавтики и космонавтики и т.д.

Правовое регулирование американской научно-технической сферы обеспечивается следующими нормативными актами: Конституция, федеральные законы, федеральные ведомственные нормативные правовые акты, нормативные правовые акты штатов, нормативные правовые решения судов, административные распоряжения. В отличие от российского правового регулирования, американское правовое регулирование науки и инноваций строится в большей степени не по принципу федерализма, а по принципу разделения властей: акты законодательной, исполнительной и судебной властей.

Иерархию источников правового регулирования американской науки можно представить следующим образом.

Уровень I. Акты законодательной власти США. Указанный уровень правового регулирования составляют Конституция США, вносимые в нее поправки, Федеральный закон о бюджете, Федеральные законы о целях, задачах и функциональной деятельности федеральных ведомств, министерств, администрации или иных органов федерального правительства, Федеральные законы-программы в сфере науки, техники и научно-технического развития, Федеральные законы о государственных заказах на товары и услуги, принимаемые Конгрессом США.

В разделе 8 статьи 1 Конституции США подчеркивается, что Конгресс США имеет право содействовать развитию науки и полезных ремесел, закреплять за авторами и изобретателями исключительные права на принадлежащие им сочинения и открытия. Закон «О научно-технической политике, организации и приоритетах» являются основополагающим нормативно-правовым актом о целях, задачах, приоритетах и принципах научно-технологической политики США. Указанный закон подчеркивает приоритетную роль государства в планировании, организации и финансировании научно-технологической политики (Куркова, 2020).

Важными для американского законодательства о науке и инновациях стали законы Бая-Доула и Стивенсона-Уайдлера. Первый направлен на поощрение патентования научно-исследовательских результатов и их коммерциализацию, открывает новые возможности для университетов получать прибыль от результатов собственной интеллектуальной деятельности. Закон Стивенсона-Уайдлера регламентирует порядок трансфера технологий между государственным и частным секторами (Игнатов, 2012, с. 159-188). Оба закона способствовали внедрению изобретений, созданных за государственный счет, в экономический оборот, а также содействовали конкурентоспособности промышленности.

Первый блок американского правового регулирования предназначен для укрепления научно-технического потенциала страны и реализации стратегических и тактических задач научно-технической и военно-технической политики.

Уровень II. Акты исполнительной власти США. Актами исполнительной власти США являются исполнительные указы президента, издаваемые Белым домом как подзаконные акты, принятые во исполнение федерального законодательства. Данный блок нормативных правовых актов является практическим инструментом правового регулирования научно-технической сферы, а также основным средством организации, управления, регулирования и функционирования государственного рынка товаров и услуг.

Уровень III. Акты судебной власти США. Ввиду того, что американская правовая система относится к англо-саксонской правовой семье, к правовым актам, регулирующим американскую научно-техническую сферу, относятся решения арбитражных органов и апелляционных судов, а также административные распоряжения. Указанный уровень является примером правового регулирования «снизу», на основе конкретных судебных или административных прецедентов. Нормативные правовые акты данного уровня служат основой американского прецедентного права.

Проанализировав историю развития науки в США и основы правового регулирования, можно отметить, что американской науке присущи следующие особенности:

- прикладная направленность в ущерб развитию фундаментальных наук, что было предопределено американским стремлением совершить моментальный апгрейд из раннего модерна в зрелый постмодерн;
- принцип синергии между высшей школой, государством и частным бизнесом. Стремление к диалогу между наукой, государством и бизнесом способствует выстраиванию различных моделей научно-промышленных альянсов и упрощению трансфера технологий;
- нацеленность на образование экосистемы инноваций;
- организационную модель американской науки формируют исследовательские университеты;

- акцент на иммиграцию лучших «мировых мозгов» из других стран. По оценкам некоторых аналитиков, ключевым фактором мирового научного лидерства США в сфере науки, техники, инновации и инженерии является незаурядная способность государства привлекать и удерживать талантливых ученых по всему миру;

- акцент на развитие функционального научно-технического разнообразия (Hong & Page, 2004);

- долгосрочность финансовой поддержки, академическая свобода, взаимодействие с международной научной общественностью, улучшение положения ученого-профессионала в американском обществе;

- в сфере науки и инноваций федерализм пока проявил себя наименее ярко по причине широкой автономии штатов в этой области (Макинерни, 2009). Однако по мере усиления федерации существующий баланс полномочий между федеральными и региональными властями становится неустойчивым;

- основным критерием наделения лица статусом исследователя или научного работника является оценка непосредственно результата научной деятельности. Преимущество указанного подхода возможности реализации научных открытий не только признанными учеными, но и безызвестными одаренными исследователями. Этот подход стал базовым принципом «равных возможностей» для титулованных ученых и прочих граждан в тот момент, когда «гаражные стартапы», созданные группой талантливых энтузиастов, превратились в крупнейшие инновационные и научно-технологические корпорации США. В связи с чем, можно сделать вывод о том, что в зарубежных странах стремительно формируется концепция частной науки.

Несмотря на вышеотмеченные позитивные оценки научно-технической политики США, последней не удалось избежать обоснованной критики. Так, колоссальные ассигнации, выделяемые государством и промышленными компаниями на развитие передовых научных технологий, далеко не всегда используются по целевому назначению, а узконаправ-

ленные бюрократические интересы нередко препятствуют развитию и продвижению свободной науки, оценка результатов научной деятельности зачастую проводится не профессионалами-учеными, а управленцами, не имеющими отношения к реальной науке. Кроме того, многие критики отмечают отсутствие в американских вузах системы квотирования для афроамериканцев, что приводит к отсутствию «научного социального лифта» (Thompson, 2014).

Таким образом, несмотря на ряд положительных черт, главная из которых – эффективность применения результатов научной деятельности в государственных и (или) бизнес-структурах – американская наука также претерпевает проблемы бессистемности и отсутствия единого подхода к правовому регулированию.

Сравнительные анализ подходов к правовому регулированию науки в России и США

В результате анализа подходов к правовому регулированию научно-технической деятельности в России и США, выделяются следующие сходства и различия государственной политики рассматриваемых стран (Таб. 1).

Критерии сравнения	США	Россия
<i>Особенности становления научно-технической политики</i>	Заимствование европейских научных идей и достижений	Заимствование европейских научных идей и достижений
<i>Особенности истории научно-технического развития</i>	Непрерывное эволюционное развитие	Цикличное развитие
<i>Подход к правовому регулированию</i>	Англо-саксонский (к источникам правового регулирования относятся, в том числе, решения судебных, арбитражных и административных органов)	Романо-германский (к источникам правового регулирования относятся нормативные правовые акты – преимущественно законы и подзаконные акты)
<i>Взаимодействие науки, государства и бизнеса</i>	Рыночный подход (акцент на взаимодействие бизнеса и науки)	Административно-плановый подход (акцент на взаимодействие государства и науки)

Критерии сравнения	США	Россия
Уровни правового регулирования	Функциональный принцип разделения правовых актов (по ветвям судебной власти)	Федеративный принцип разделения правовых актов (на федеральный и региональный уровни)
Кадровая работа	Активная иммиграция	Активная эмиграция
Международное сотрудничество	Стремление к международной научной интеграции	Стремление к международной научной интеграции
Проблемы правового регулирования	Бессистемность правового регулирования	Бессистемность правового регулирования

Таблица 1. Сравнительная характеристика осуществления научно-технической политики в России и США

Table 1. Comparative characteristics of the implementation of science and technology policy in Russia and the USA

Источник: Составлено автором

Таким образом, сходство российской и американской научно-технической политики выражается в особенностях исторического становления (масштабное европейское влияние), а также в основных проблемах современного правового регулирования (отсутствие системности), которое, вероятно, предопределено первоначальным заимствованием и попытками преломить чуждые идеи сквозь призму национального мировоззрения.

Заключение

В связи с осознанием того, что движущей силой прогресса является информация (знания), в современной юриспруденции отчетливо наблюдается обособление научного права в качестве самостоятельной отрасли права.

Несмотря на выявленные многочисленные различия, указанная тенденция характерна как для американской, так и для российской правовой системы. В обоих государствах научно-техническая сфера является приоритетным направлением государственной политики.

Изучение нормативных правовых актов, посвященных научно-техническому развитию России и США, позволило сделать вывод о том, что в

обоих государствах принято множество нормативных правовых актов в сфере науки и инновациях, однако отсутствие кодификации или единого свода законов препятствует однородному системному регулированию приоритетной сферы и эффективному правоприменению.

Received: October 13, 2022

Accepted: November 16, 2022

UDC: 351

Public Administration

Legal Regulation of the Scientific Sphere in Russia and the USA

Anton A. Vasiliev, Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Law,
Head of the Department of Theory and History of State and Law,
Altai State University, Russia
E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Julia V. Pechatnova, Assistant, Department of Theory and History of State and Law,
Altai State University, Russia.
E-mail: jp_0707@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the specifics of the legal regulation of the scientific sphere in Russia and the United States, features of legal regulation, the key problems. The academic relevance of the work is determined by the priority of the scientific sphere in the context of global competition and the strategic importance of its high-quality legal regulation. The methodological basis of the study embraces comparative legal and formal legal methods. The authors carry out a critical analysis of regulatory legal acts devoted to the regulation of the scientific sphere in Russia and the United States, identify the levels of legal regulation, note the features and specific features of legal regulation, identify the similarities and differences in approaches to legal regulation, analyze the history and development of science as a social institution in both states, the origins of the common problems of the unsystematic character of legal regulation in both countries.

Keywords: legal regulation, science, innovations, scientific and technological development, scientific law, Russia, USA

The study is supported by the grant of the President of the Russian Federation for young doctors of science "The Phenomenon of Scientific Law: Russian and International Dimension" No. MD-233.2021

Список литературы / References:

Авдулов А.Н. Кулькин А.М. (2003). Системы государственной поддержки научно-технической деятельности в России и США: Процессы и основные этапы их формирования / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. По науке, образованию и технологиям. М.: ИНИОН. 84 с.

Берг Л.Н. (2014). Основные этапы российской правовой политики в сфере научной деятельности. *Политика и общество*. № 10. С. 1155–1160.

Берг Л.Н. (2015). Проблемы законодательного обеспечения научной деятельности в России. *Актуальные проблемы российского права*. № 1. С. 3.

Бердашkevич А.П. (2012). О направлениях реформирования законодательства о науке. *Инновации*. № 11. С. 100–104.

Бурстин Д. (1993). Американцы: колониальный опыт. М.: Прогресс.

Волобуев П.В. (1987). Русская наука накануне Октябрьской революции. *Вопросы истории естествознания и техники*. № 3.

Габов А.В., Путило Н.В., Гутников О.В. (2017). Проект федерального закона о науке – новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности. *Вестник Пермского университета. Сер. Юридические науки*. № 38. С. 385–399.

Гумеров Л.А. (2017). Потенциал права в реализации функций государства в научно-технологической сфере: проблемы и перспективы. *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. № 159(2). С. 333–340.

Игнатов И.И. (2012). Роль акта Бэя-Доула (Bayh-Dole act, 1980) в трансфере научных знаний и технологий из американских университетов в корпоративный сектор: итоги тридцатилетнего пути. *Управление наукой и наукометрия*. № 12. С. 159–188.

Куркова К.М. (2020). Научно-технологическая политика США: Становление нормативно-правового регулирования. *Colloquium-Journal*. № 9-9(61). С. 22–25.

Лапаева В.В. (2003). Закон о науке: анализ нормативного содержания. *Законодательство и экономика*. № 5. С. 4–5.

Макинерни Д. (2009). США. История страны. М.: ЭКСМО.

Пономарева Д.В., Барабашев А.Г. (2019). Правовое регулирование сотрудничества российской федерации и Соединенных Штатов Америки в сфере науки и технологий. *Актуальные проблемы российского права*. № 7. С. 115–122.

Серебряков А.А. (2021). Обзор нормативных правовых актов в сфере регулирования науки (01.01.2021 – 01.09.2021). *Управление наукой: теория и практика*. № 3(3). С. 226–235.

Юдин Б.Г. (1993). История советской науки как процесс вторичной институционализации. *Философские исследования*. № 3. С. 91–94.

Geiger, R.L. (1993). Research and Relevant Knowledge. American Research Universities since World War II, N.Y., Oxford.

Hong, L., Page, S. (2004). Groups of Diverse Problem Solvers Can Outperform Groups of High-Ability Problem Solvers. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 16385–16389.

Kevles, D.J. (1978). The Physists. The Physicists: The History of a Scientific Community in Modern America. N.Y.: Random House Inc.

Loomas, R. (2013). The Man Who Invented the Twentieth Century. Nikola Tesla, Forgotten Genius of Electricity. N.Y.

Moser, P., Voena, A., Waldinger, F. (2014). German Jewish Émigrés and US Invention. *American Economic Review*, 3222–3255.

Thompson, A. (2014). Does Diversity Trump Ability? An Example of the Misuse of Mathematics in the Social Sciences. *Notices of the American Mathematical Society*, 1024–1030.

Wright, L.B. (2002). The Cultural Life of the American Colonies. Courier Corporation.

Is Belgrade the New Casablanca? Serbia's Place in The Emerging World Order

STEVAN GAJIĆ¹

Institute of European Studies (Serbia)

Abstract

In an attempt to define the international position of Serbia, this paper deals with the hypothesis that Serbia's specific mode of neutrality, mixed with a semi-vassal status in relation to the West, is similar to the position of Casablanca shown in the film of the same name from 1942. It is, therefore, about a state that is neutral, which all the actors tacitly admit while reproaching it for sitting on more than one chair and saying that it has to decide which one to sit on. Over time, all the world and regional actors have crowded into "Casablanca", but until recently, the real power was exclusively in the hands of the Americans. It is characteristic of this system that it is unstable and that it can slip into a vassal system and make Serbia an object of politics, but it is also possible that neutrality is becoming real by ending the vassal relationship due to the diminishing power of the United States and the West as a whole. Thanks to many factors, one of which is the mood of the Serbian people, the impression is that the year 2022 has turned in the direction of enabling independent Serbian foreign policy.

Key words

Casablanca, soft power, neutrality, economy, security, media, migration, control.

For citation

Gajić Stevan. (2022). Is Belgrade the New Casablanca? Serbia's Place in The Emerging World Order. *Управление и политика*, 1(3), С. 58–87.

¹ **Stevan Gajić** – PhD, Research Associate, Institute of European Studies, Belgrade, Serbia.
E-mail: stevangajich@yahoo.com
The author declares the absence of conflict of interests

In early February 2021, I submitted an essay proposal for the special edition of *Serbian Political Thought*, a journal issue dedicated to Serbia's neutrality. My proposed title was "Is Belgrade the New Casablanca? Fake it till you make it". But as it happened, I never sent the article, for two reasons. Firstly, my view of what the Casablanca metaphor meant was broader than mere political and military neutrality for Serbia. Secondly, and more importantly, I thought that not enough time had passed and events had not yet taken place that would allow me to make such a bold statement. These global events started to unfold in late February 2022. Interestingly enough, after I decided against writing the article, and had almost forgotten about it, either word got out or other people also had the same idea. On October 17th 2022, the day of the Serbian Intelligence Service, the president of Serbia, Alexander Vučić, said that Belgrade is the new "Casablanca". An army of the president's admirers immediately praised him for coming up with such a great idea. It was probably sheer coincidence — but quite an unusual one, I thought to myself. However, if by any minute chance the idea floating around in the Serbian public space actually did come from my paper proposal, I believe that I now have the obligation to clarify this concept.

Why Casablanca?

So then, what do I mean when I say that Belgrade might be the New Casablanca? Obviously, the association comes from the celebrated 1942 film where Humphrey Bogart plays what is probably his most iconic role. "Casablanca" was made in a remarkable time; it is a wartime film, and by association I seem to be writing a wartime essay. Although probably thanks to the fear of mutually assured destruction, the war we are witnessing now is not a world war, it will certainly bring about tectonic reshaping of the world order. In this environment, Belgrade, as the capital of Serbia, is one of the rare European capitals which seems to be politically neutral in a very polarized world. Serbia did condemn Russia in several UN declarations, but it never introduced sanctions against Moscow, and it is also one of the few capitals of Europe, together with Istanbul, which still has direct flights to Russian cities. Long before the hostilities in Eastern Europe, Serbia unilaterally declared itself to be a militarily neutral state through a parliament resolution in 2007. However, neutrality status usually has

to be recognized by other actors of the international community in order for it to effectively exist. Nonetheless, Serbia insisted on being neutral and thereby gave new meaning to the phrase “Fake it till you make it”. One way or another, Serbia did gain a peculiar neutrality status, and now it seems that all the major global as well as regional powers want a piece of the game in Belgrade, and all are present in Serbia in one way or the other – whether through financial capital, media, the civil sector or other means of soft power, or militarily through cooperation with the Serbian army. My hypothesis is therefore that Belgrade has become the contemporary Casablanca, just like the fictional one made in Hollywood.

Accordingly, if we speak about Belgrade (Serbia) as a neutral territory, then why do I prefer the association with Casablanca to Geneva or Stockholm, for instance, which might be more logical examples of neutrality? After all, Belgrade is in Europe like these two cities, and Casablanca is in Africa. The catch is in the nature of the peculiar, or should I say fake, neutrality that Serbia lives in. Although this peculiar neutrality is (or perhaps was) marked by Western or Brussels² domination, Serbia has still deferred from other vassals of Washington which are formally members of NATO. Another reason is that this volatile status in which Serbia lives cannot be static; it will certainly shift in one way or the other, it will either become truly neutral and independent or it will become an object and a passive tool in Western foreign policy. This fact only became more obvious after February 2022.

Just like Bogart's Casablanca, Serbia (Belgrade) is similar to unoccupied France. Perhaps by this analogy, other parts of Yugoslavia that are now proud NATO members, could be compared to western European countries occupied by Nazi Germany. The Casablanca allegory represents an unregulated neutrality, behind which lies the true system, a system whose true nature is that of vaguely disguised semi-colonial status. An illustrative example of this was the incident with the behavior of the United States ambassador, Christopher Hill, during the standoff surrounding the so-called “Europride”. But we will discuss this later in the article.

² Brussels being at the same time the center of both NATO and the EU. The European commission, the executive branch of the EU, an organization where Serbia is a candidate state, is also seated in Brussels.

The first thing to keep in mind when we talk about Belgrade as the new Casablanca is the need to answer a seemingly simple question. Which main actors are participating in the power game in Serbia's capital in one way or another? Also, how significant is their influence on Belgrade, and what is the level of influence of these actors? Finally, how do we measure that power?

Among the global players, the most noteworthy are the United States, Russia and China, as well as the European Union, within which Germany and France stand out. Another country that recently left the EU, Great Britain, also has a peculiar policy towards the Balkans, especially to Serbia. Britain's unique approach regarding Belgrade has heavily influenced the political life and history of this part of Europe. There are also regional players, such as Turkey, Hungary, and Middle Eastern countries, in particular the United Arab Emirates and Saudi Arabia. Interestingly, the two diehard foes Israel and Iran are both present. India deserves attention too, as a major power that is in its own way also finding its place in Serbia, similarly to Japan, a competitor of China.

Apart from the big countries, the USA, Russia and China, I will not deal individually in each segment with the role of each country, particularly the regional players and countries of a lower order of power, because their participation in certain segments is sometimes not significant enough. The components of power in which these countries compete and try to flex their influence are the economy, military cooperation and general security policy, soft power, which primarily includes the media and non-governmental organizations as well as general cultural influence, and finally the issue of migration.

Economy

As far as economic criteria are concerned, general trends should be mentioned. It is, of course, impossible to describe in detail the history of all foreign investments in such a short space, including many extremely controversial privatizations. However, we can see the efforts and areas in which different countries are interested.

The United States became present in the Serbian economy, primarily in the metallurgical industry, soon after October 5th, 2000, the date which marked a benchmark for what we in Serbia call "the democratic changes" that ended the

era of Slobodan Milošević. In a very detailed and documented analysis, Prof. Dr. Slobodan Antonić proved that the sale of Smederevo's steel mill SARTID to the American company U.S. Steel in March 2003 for only US \$23 million, a deal brokered by the Americans and the Government of Serbia, was essentially a robbery (Антонић, 2006, pp. 40–87). In an endless series of devastating facts, two alone are sufficient for illustration: the first is the fact that the sale price of the steel plant that had previously been pushed into bankruptcy was equal to the transfer of just one Red Star football player two years before the “SARTID operation”. The second fact was that all competition was blatantly excluded from the contest, although LNM Holdings offered incomparably more favorable terms compared to those of U.S. Steel. Thus, after a series of tricks by the Minister of Economy and Privatization, the judges of the Trade Court in Belgrade, and other actors, everything came down to a direct bargain. This was “the biggest robbery of Serbian industry since the communist ‘nationalization’ in 1946” (Антонић, 2006, pp. 40–87).

An opposite example is the American company Ball Packaging Europe with its initial “greenfield” investment in a tin factory in Zemun of 50 million Euros, opened in September 2005. It invested another 80 million Euros in the expansion of production in 2011 and 2019, so that, along with some other investments, the total investment exceeded 140 million Euros³. Another American corporation (for software, management, consulting and technological services) NCR (National Cash Register), opened a large business center in Belgrade with more than 4,200 employees in October 2021.

In 2003, in the first wave of privatization, the American multinational company Philip Morris bought the Niš tobacco industry for 387 million Euros.

In general, the United States is certainly present in Serbia, not so much directly as through intermediaries. We will return to their influence in the non-governmental sector later in the article. However, the withdrawal of Amer-

³ PC Press. (2019). Ball Packaging investirao 45 miliona evra u novu proizvodnu liniju u Beogradu. URL: <https://pcpress.rs/ball-packaging-investirao-45-miliona-evra-u-novu-proizvodnu-liniju-u-beogradu/> (all links accessed 01.10.2022)

ican business has been noticeable ever since Serbia bought back the steel mill in Smederevo. Soon after, the factory was sold to the company Hesteel Serbia, backed by Chinese capital. The fact alone that the Chinese have replaced the Americans speaks volumes as to the changes in the balance of power.

In the light of the agreement that Serbian President Aleksandar Vučić signed on September 4th, 2020 in the White House in the presence of US President Donald Trump, a document concerning Kosovo and a number of other topics, Serbia received the office of the American Chamber of Commerce in Belgrade. However, no special American economic activity followed until the arrival of a large American economic delegation at the end of October 2022. This was the first delegation of its kind in more than 20 years, a visit which resulted in the promise that a more active American economic presence in Serbia would follow⁴.

American economic activity often follows political activity. The Americans became uninterested in the economy at the moment when they practically delegated the Balkan region to powers that are essentially in a vassal relationship to the US. These lower-ranking powers have had a great influence on Serbia. Germany has figured above others in this respect, especially during the years of Angela Merkel, and of course this was predominantly evident in large German investments. This pattern does not apply exclusively to Serbia, because the Germans also entered other post-Yugoslav countries with capital. What is particularly noticeable in the Serbian case is that the highest concentration of their investments is in the north of Serbia, in the autonomous province of Vojvodina and in Belgrade, on territories that were once held by the Habsburg Monarchy, which is quite indicative.

The German factor has been influencing Serbian territory for centuries. We may recall that the Germans planned to rename occupied Belgrade Prinz Eugen Stadt after World War II. Their Waffen-SS division Prinz Eugen gained the reputation of the most notorious Nazi unit in Yugoslavia (paradoxically, the

⁴ RTV. (2022). Vučić: Privredna delegacija SAD u Srbiji oposle 20 godina – pokazatelj napretka Srbije. URL: https://www.rtv.rs/sr_lat/politika/vucic-privredna-delegacija-sad-u-srbiji-posle-20-godina-pokazatelj-napretka-srbije_1386547.html

historical prince Eugen von Savoyen was a Serbian ally in the fight against the Turks). Today, most Serbs consider the United States to be the main culprit of the anti-Serb policy of the 1990s. However, it was the newly unified Germany that actually directly influenced the breakup of Yugoslavia and the instigation of the civil war and practically forced American involvement in the Yugoslav crisis, although the United States did not initially have a clearly defined anti-Serb position. “Germany played a key role in encouraging Slovenia and Croatia to secede, and surreptitiously assured them of external support for their secession efforts... the effect of European and especially German intervention is that it stimulated the United States to augment its own role in the crisis... The renewed US intervention was to come later, during the conflict over Bosnia-Herzegovina” (Gibbs, 2009, pp. 104–105).

When it comes to Russia, since 2009, when the then Russian President Dmitry Medvedev visited Serbia and Serbia received a Russian loan for railways, Russia has been very present in Serbia through the Russian State Railways company. In addition, a number of Russian investment attempts have been sabotaged in one way or another, according to a number of statements⁵. Evidently, the actual volume of Russian capital falls short of the level of readiness expressed by the Russian side.

This changed in the fall of 2022, with evident political changes within the Government of Serbia that may turn out to be stimulating for new Russian investments, and this coincides with the influx of Russian capital that does not necessarily have a connection with the Russian state, but is brought by new Russian migration to Serbia. Of course, the most important Russian investment is from the time of Prime Minister Vojislav Koštunica, the privatization of the Oil Industry of Serbia (NIS), which has proved to be one of the better moves of the Serbian authorities, resulting in refineries being renovated and modernized, especially the refinery in Pančevo which is one of the most modern in Europe. Gazprom stabilized the production and supply and improved the quality of oil

5 Politika. (2022). Kina pretekla Evropsku uniju po ulaganjima u Srbiji. <https://www.politika.rs/scc/clanak/521941/Kina-pretekla-Evropsku-uniju-po-ulaganjima-u-Srbiji>

derivatives, and the entire network of NIS oil pumps was also modernized. After listening to Serbian offers for many years, Russia also bought the notorious money loser Petrohemija from Pančevo at the end of 2021.

In addition, in November 2022, the Gazprom gas power plant with a capacity of 189 megawatts, an investment of 180 million euros, was put into operation in Pančevo, the first of its kind in Serbia. The construction of these ecologically sound power plants was also announced in Kragujevac, Belgrade, Novi Sad and Niš.

The biggest complaint of Russia's political opponents in Serbia is the low mineral rent, but on the other hand, for the sake of comparison, it should be pointed out that the refineries in Croatia, whose oil industry was privatized by the Hungarian MOL, have been shut down and MOL only uses the refineries in Hungary⁶. It is interesting that the critics of Serbia's energy agreement with Russia, within the framework of which a large gas storage facility was built in Banatski Dvor and then a gas pipeline through Serbia, do not mention the important fact that the amount of mineral rent, which is part of the NIS agreement, was simply overwritten from the law passed before the signing of that contract. There was never even the slightest complaint from that side of the political spectrum, for instance that the state agreed not to charge Italian Fiat a tax, and that it provided many other benefits to a number of Western investors. In any case, it can be concluded that Russia's investments in Serbia are respectable, but it is still far from holding the title of the largest investor.

That title was taken by China in 2022. China surpassed all the countries of the European Union combined, to hold second place in terms of investment. The Chinese bought several mines in the area of Bor and Majdanpek, as well as the Smederevo steel mill, and they are now building a large tire factory near Zrenjanin, etc. The Chinese seem to be competing with the Russians in some industries in Serbia, which is quite interesting. After the Russians, they also appeared in the railway construction business, and are participating in the construction of the future Belgrade–Budapest high-speed railway.

⁶ Nacional. (2019). Hrvatske rafinerije stoje, a MOL prerađuje naftu u Mađarskoj. URL: <https://www.nacional.hr/hrvatske-rafinerije-stoje-a-mol-preradu-je-naftu-u-madarskoj/>

However, Chinese ambitions are much greater: their company Cosco became the majority owner of the Greek port of Piraeus in 2016, and their long-term goal is the Piraeus–Warsaw high-speed railway, which will connect Greece, North Macedonia, Serbia, Hungary, Slovakia and Poland. Even more ambitious plans for the construction of a large canal have been mentioned. The plan is to build a canal starting from Thessaloniki, along the Vardar, South Morava and Velika Morava rivers to Danube. This construction would create a waterway that would connect the Mediterranean with the North and Baltic Seas on one side, and the Black Sea on the other.

In addition to large, visible Chinese investments in Serbia, there are also less visible investments: in almost all cities in Serbia there are Chinese shopping centers, often opened in the buildings of failed department stores from the time of socialism.

China, however, has its “silent competitors” from the Asian region in Serbia, above all India, which has its own investments, but they have not yet gained full momentum, as well as Japan, which is currently more recognizable in Serbia for its donations and presence through soft power rather than by investments.

It is characteristic of the United Arab Emirates and Saudi Arabia that the affairs they deal with are rather opaque. It is known that the Emirates are involved in the “Belgrade on Water” project and together with the Saudis in certain projects related to the Serbian arms industry, but information about this remains mostly hidden from the general public. Egypt, perhaps the most important Arab country, which traditionally had excellent relations with Yugoslavia, again made its presence felt in July 2022 with the three-day visit to Serbia by Egyptian President Abdel Fattah El-Sisi. During this unusually long visit, which clearly underlined its political importance for both sides, a number of contracts were signed, and Egypt expressed its desire for greater food imports from Serbia. As for one of the richest and certainly the most developed countries in that part of the world, Israel, it evidently regards the Balkans, especially Serbia, as important. Israeli investments can be seen in shopping centers and the construction of large business buildings, similar to those the Emirates are involved in, in the same part of Belgrade next to “Belgrade on the Water”.

Israel’s arch enemy, Iran, is also present. For a brief period, Serbia had a visa-free regime with Iran, but this was abolished in October 2018 after West-

ern pressure on Serbia. The Belgrade newspaper *Danas* announced that the European Union directly influenced the decision of the Government of Serbia to re-introduce visas for Iranians, threatening otherwise that it would abolish the visa-free regime with Serbia. The USA and NATO Secretary General Jens Stoltenberg also had their objections⁷.

As far as the European Union is concerned, the most significant investments come from Germany, then France. It became apparent that German investments began to decline in the last years of Angela Merkel's rule, whereas with President Emmanuel Macron's coming to power in France, investments from the latter country have grown. A 25-year concession that the French company VINCI Airports received for the Belgrade airport in 2018 is particularly noteworthy. The significant expansion and modernization of the Belgrade airport will certainly have a favorable effect on the improvement of the overall business environment in Serbia. This also shows how important this new potential "Casablanca" is becoming, especially since all this has coincided not only with increased American political interest in the Balkans after Merkel's departure, but also with the increased presence of practically all significant geopolitical players, including surrounding countries which are present with much more modest capacities. France is also interested in the construction of the Belgrade metro. With the French metro project, we can see a third country that would like to participate in the development of rail transport in Serbia. The French bank Société Générale also operated in Serbia and was present in the country for some time, until September 2019, when Société Générale Srbija was shut down. It was bought by the Hungarian OTP bank, and this in turn coincides with Victor Orbán becoming a political ally of Serbian president Vučić. The French Lafarge, which since 2021 has been operating within the Swiss multinational company Holcim, bought the cement plant in Beocin in 2002.

Great Britain's investments, on the other hand, are disproportionately small compared to the country's traditionally large ambitions in Serbia and the Balkans in general, which perhaps indicates a further geopolitical decline in the influence of the former empire. However, the influence that the British have

⁷ Danas. (2018). EU pretila da će ukinuti "beli šengen" Srbiji. URL: <https://www.danas.rs/vesti/politika/eu-pretila-da-ce-ukinuti-beli-sengen-srbiji/>

actually wielded in Serbia since the 19th century has significantly exceeded their investments, especially when compared to German investments. “When people define power as synonymous with the resources that produce it, they sometimes encounter the paradox that those best endowed with power do not always get the outcomes they want” (Nye, 2004, p. 3). Practically the only exception is the British multinational company British American Tobacco, which in 2003 bought the Vranje tobacco industry for 87 million euros.

Scandinavian countries were also present on the Serbian market, with the biggest investment being the Norwegian Telenor, which, however, withdrew from this business, as Swedish Ikea stepped in in the meantime.

Italy is traditionally present, most significantly with the establishment of a joint venture in Kragujevac, Fiat Automobili Srbija, between the Government of Serbia and the Turin-based company. The key items of the contract were kept secret for 14 years (along with other contracts on foreign investments and concessions), which turned out to have been for good reason when, at the end of November 2022, the journalists of television channel N1 came into possession of the contract⁸. It was then revealed that Serbia had spent at least 985 million euros but had received practically nothing in return. Serbia's Former Commissioner for Information of Public Importance, Rodoljub Šabić, commented on the alleged reasons for hiding the contents of the contract: “The prime minister is telling you that the corporate rules of a company that is a business partner of our company disavow the constitutionally guaranteed rights of the citizens of Serbia, the explicit provisions of the law and the decisions of the competent state authority ... This is below colonial status, it is inadmissible”. Italy, together with Greece, was also very active during the rule of Slobodan Milošević, when it participated in the privatization of Telekom Srbija, but in 2003 Serbia bought the Italian package of 29% of shares, and in 2012 the Greek package of 20%, which once again made Serbia the 100% owner of the company.

This example perfectly illustrates why the neutrality of Serbia over the past 20 years is more reminiscent of the neutrality of Casablanca on the ter-

⁸ N1 TV. (2022). N1 ekskluzivno objavljuje ugovor države sa Fijatom. URL: <https://rs.n1info.com/biznis/n1-ekskluzivno-objavljuje-ugovor-drzave-sa-fijatom/>

ritory of “unoccupied” France than the neutrality of Switzerland or Sweden in the same period.

There are also regional powers engaged in Serbia, such as Turkey, which has a notable role in the textile industry and somewhat less in road construction, and Greece, which has been present in the banking sector and telecommunications, especially during Milošević's reign. Starting from December 2002, the Greek company Veropoulos began to expand the chain of hypermarkets, while in April of the same year, the company Titan, in an equally controversial privatization, bought the cement plant in Kosjerić⁹. In addition, that factory, like the other two privatized Serbian cement plants, had a very negative impact on air quality by using inappropriate fuel in the production process. Turkey is in some ways followed by Azerbaijan, whose company AzVirt appeared in Serbia in 2012 and has built a large section of the Miloš Veliki highway (Ljig–Preljina), part of the ring road around Belgrade, the Ruma–Šabac highway, including the bridge near Šabac that connects Mačva and Srem, etc. Azerbaijan, especially after the start of the special military operation in the spring of 2022, is becoming very interesting to all of Europe, including Serbia, and the reason is simple: gas. This was proven by the visit of Azerbaijani President Ilham Aliyev to Serbia in November 2022, when a strategic partnership agreement between the two countries was signed.

Another country traditionally interested in Serbia is Austria. Its Raiffeisen bank has been present for a long time, as has the Austrian telecom operator Mobilkom, the 100% owner of the company A1 Serbia, which has almost a quarter of the share in the Serbian mobile phone market. The Austrian company OMV once lost the battle against the Russian Gazprom in the privatization of NIS.

If we talk about classic colonial exploitation of the kind perhaps most impressively described by Frantz Fanon in his books, especially in “The Wretched of the Earth”, Serbia offers a demonstrative example. “The oppressor, in his own sphere, starts the process, a process of domination, of exploitation and of pillage, and in the other sphere the coiled, plundered creature which is the native provides fodder for the process as best he can, the process which moves unin-

⁹ Mašina. (2017). Borba ljudi i Titana. URL: <https://www.masina.rs/borba-ljudi-i-titana/>

terruptedly from the banks of the colonial territory to the palaces and the docks of the mother country” (Fanon, 2017, pp. 21–22).

The most glaring case in Serbia was the attempt to mine lithium by the Anglo-Australian Rio Tinto. The latter company invested a lot of money in the purchase of land and property in the western part of Serbia, and critics allege that it used all possible methods to achieve its goals regardless of potentially irreparable environmental damage. This case is not over yet, and a latent danger still exists. This company had tried to work in Serbia according to classic colonial patterns, where Serbia would be only a resource base. This was met with bitter resistance from the population and mass demonstrations occurred across the country. The extent of the pressure on Serbia is also indicated by the fact that even Angela Merkel’s farewell visit essentially came down to her request that Rio Tinto be allowed to mine lithium unhindered¹⁰. The exploitation of ores in Serbia has increased rapidly in recent times, endangering the environment, and the case of Rio Tinto has also shown a bizarre side. The tennis player Novak Djoković, spoke out against Rio Tinto and was subsequently banned from playing at the Australian Open at the beginning of 2022, and spent several days in a kind of detention. Australia’s Prime Minister Scott Morrison was extremely vocal against Novak’s participation in the tournament. It is interesting that one of his closest associates worked at Rio Tinto, and Morrison himself is known for publicly defending the company’s interests¹¹.

It can be concluded that there are three circles of countries economically interested in Serbia: the great powers of the US, UK and Russia, among which China is a newcomer, then the traditionally present European continental powers, and the new powers coming from the Middle East – in the first place, Turkey, Israel, the United Arab Emirates, Saudi Arabia, Iran and Egypt.

¹⁰ Balkan Green Energy News. (2021). Merkel: i Nemačka zainteresovana za litijum u Srbiji. URL: <https://balkangreenenergy-news.com/rs/merkel-i-nemacka-zainteresovana-za-litijum-u-srbiji/>

¹¹ Nova.RS. (2022). Čovek koji bi da otera Novaka iz Melburna svim silama branio Rio Tinto. URL: <https://nova.rs/sport/australijan-open/covek-koji-bi-da-otera-novaka-iz-melburna-svim-silama-branio-rio-tinto/>

Soft power

In the movie “Casablanca”, everything seems to be an illusion, and the same goes for Belgrade, if we take the Serbian capital to have become the new Casablanca. Everything is a mirage, a mirage that translates into concrete power. In the film, it seems that the Germans control the French puppet government, but it becomes apparent they do not control the hearts and minds of the citizens of Casablanca. Thus, in the scene where the German officers sing the German war song, the people spontaneously respond by singing “La Marseillaise”. Something similar is happening in the attitude of Serbs towards NATO and NATO countries, i.e., towards the collective West, as it is now increasingly called.

The most characteristic is the West’s attitude towards Russia, similar in many respects to their attitude towards Serbia. Western propagandists constantly like to talk about how Russia is waging a crafty hybrid war, how aggressive it is and how it has incredible influence in Serbia. The numbers, however, say something completely different. The money that Russia has invested to win Serbs over to its side is actually minor, in fact truly miniscule, compared to the West’s investments in various means of soft power. That is why, for many, especially for Western diplomats, Russia’s popularity among Serbs is inexplicable. This is also puzzling for the Russians themselves, a pattern that has not changed in 140 years since Platon Andreevich Kulakovsky wrote from Belgrade to Ivan Sergeevich Aksakov in 1882: “We do not have a plan, our goals are not realized, not defined: this is the trouble. Austria takes with impudence and audacity, Russia is helped only by popular faith in her – a faith, I will say frankly, which we are unworthy of...” (Shemyakin, 2010, p. 5).

Let us consider these hypotheses. If Russia is so crafty and so dangerous in waging a hybrid war that it has fooled the minds of all Serbs, how is it that it has managed to experience two catastrophic defeats when it comes to soft power? In Ukraine, which is far closer to Russia and where the Russian language is widely spoken, two “Maidans” took place, the first in 2004 and the second in 2013/2014, and Russia is now using hard force where soft power failed.

On the other hand, in Serbia, although Russian investments in soft power have been minor, sometimes even counterproductive, in March 2011, Vladimir

Putin was warmly welcomed at the Red Star stadium in Belgrade¹². Where did this explosion of love by the Serbian people towards the Russians come from? Again, the explanation can be found in the West's arrogant behavior towards the Serbs, which drove the Serbs to begin supporting the Russians, knowing that this annoys the West more than anything else.

The second component stems from the historical experience in which Russians and Serbs are intertwined by a multitude of mutual connections, so many that to list them would take a much more extensive article. However, we should mention Ana Glinska, née Jakšić, daughter of the Serbian nobleman Stefan Jakšić, who was the grandmother of the first Russian emperor, Ivan IV, known as Ivan the Terrible, who was born to Ana's daughter Jelena in marriage with the Grand Duke of Moscow Vasily III. Also, even before that, during the reign of Prince Basil I the Great, the Serbian monk Lazar from Prizren constructed and installed in Moscow in 1404 the first public clock in Russia. Further, General Mihajlo Miloradović was a close friend of Emperor Peter the Great, and his great-grandson of the same name, also a general, defended Russia with nine other Serbian generals in 1812 from Napoleon's army in the Battle of Borodino (in which the Russian troops were commanded by 37 generals, more than a quarter of whom were of Serbian origin). Sava Vladislavić Raguzinski founded the Russian intelligence service and concluded an agreement in 1728 on the basis of which the border line between the Russian Empire and China was established, which is still in force today. It is particularly interesting that in 1705, Count Vladislavić bought in Constantinople and then brought to the Russian court the Ethiopian slave Ibrahim Hannibal, the great-grandfather of the great Russian poet Alexander Pushkin. All of this is just the tip of the iceberg when it comes to Russian-Serbian relations.

It is a huge paradox that Serbia is a country where very few know the Russian language, while among those who speak Russian fluently, Russophobia reaches unimaginable proportions. The status of Russians and Russia among the Serbs fascinates the West, especially the Western services, which strive to find an explanation for the Serbs' fondness for Russia, instead of looking in the mir-

¹² Putin, V. (2011). Putin na Marakani. MrGlobalTelevision. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ljkmzE8KtOA>

ror and asking if they themselves have contributed to this state of affairs. This is reminiscent of the Democrats' complaints in 2016, when Hillary Clinton lost the presidential election to Donald Trump. The leaders of the Democratic Party then found justification for the defeat in "Russian hackers hired by the Kremlin", without asking themselves whether their own behavior might have contributed to the Democrats becoming so unpopular with voters.

The same thing occurred with the phenomenon of Russian soft power. Perhaps this situation has improved for Russia now compared to a few years ago. Sputnik is present in Serbia, as is an RT office and web portal, and most recently the opening of RT TV has been announced. Gazprom invested money in the installation of the beautiful mosaics in the Saint Sava temple in Belgrade, and there are more and more scholarships for students from Serbia and other Serbian lands, above all from Republika Srpska. Nevertheless, all of this is actually negligible compared to the funds invested by the West and is insufficient to explain the extent of the Serbs' affection towards Russia. It is especially paradoxical for the West that this support even increased in Serbia after the beginning of the Special Military Operation in Ukraine.

Russians have often wondered why there are fewer and fewer Russian language classes in Serbian schools. Then something unexpected happened: the special military operation caused a real "migration" of Serbs to Russian-language Telegram channels. That is why many of them, without any previous knowledge, have learned Russian by themselves purely by daily monitoring of the news through those channels, at least to the level of the most basic understanding of written text. In any case, this trend has done much more than organized Russian language learning programs would do.

Finally, it is worth recalling two concrete situations in which, already visible, Russian soft power in Serbia was additionally strengthened. In the spring of 2014, during the catastrophic floods, with the strong engagement of the Serbian-Russian humanitarian center in Niš, well-equipped Russian rescue teams arrived to Serbia incredibly quickly, saving many lives. This was in sharp contrast to behaviour of the countries of the European Union, which were literally invisible during those days. The second situation took place at the beginning of April 2020, shortly after the declaration of the Covid-19 pandemic, when, again, the EU was nowhere to be seen, while 11 transport planes with 87 Russian specialist

doctors and plenty of equipment arrived from Russia (later, China also sent a lot of aid, including hundreds of thousands of vaccine doses, and even the Emirates came with their help quickly, which all cast the EU into a deep shadow). This was followed by donations from Russia in the form of the Sputnik V vaccines, and then the production of that vaccine in Serbia. Thanks to all this, Serbia managed to project its own soft power in the surrounding countries. In fact, it was the only country in the world where people could choose between multiple vaccines namely Pfizer, Moderna, AstraZeneca, Sinopharm, and Sputnik V. Not only Serbian citizens but anyone coming to Serbia could get a jab. As a result, more than 200 thousand people, mostly from former Yugoslav republics, but also from all over Europe, came to Serbia get vaccinated. Furthermore, Serbia donated more than 200 thousand vaccines to neighboring countries, and it even gave 100.620 Pfizer shots to Czech Republic in May of 2020.

The soft power of the United States can be divided into that which comes directly from American government agencies such as the NED – USAID (National Endowment for Democracy – United States Agency for International Development), which finances various projects including state institutions, and the so-called philanthropists who implement American liberal ideology, such as George Soros' Open Society Foundations. In the media sense, they are also present, but there it is really difficult to draw the line where the state begins and where private interests yield. Defining what the American interest is, is not determined by means of the property to whom it is registered, but on the basis of the interest that it spreads. Various foundations fund many programs and, most problematic from the security stance, a whole range of activities from environmental activists to security policies, LGBTQ+ etc.

On the other hand, there is strong media penetration coming from the US. One example is the United Media Group, whose ownership structure, according to publicly available sources, is not completely clear, but its most recognizable face, at least in the beginnings of the company's expansion into the territory of the former Yugoslavia, is certainly the retired American general David Petraeus, former commander of the occupation forces in Iraq and Afghanistan and former director of the Central Intelligence Agency (CIA). This group in Serbia has two television channels and an entire media machinery that implements and promotes American and generally Western interests. Since February 2022,

the anti-Russian campaign has been particularly visible, and as far as economic topics are concerned, anti-Chinese broadcasting. The problems of workers' human rights, the non-transparency of Chinese companies' business, and environmental problems associated with those companies in Serbia are constantly on the agenda.

Great Britain has a large influence in Serbia that is disproportionate to its modest investments. Britain grants some scholarships for education, but that is not where its strongest influence is. Britain and the US have succeeded in infiltrating the system to a large extent through a series of lobby groups, which is not seen directly, but through the consequences, because these affairs are not transparent. Among them, it is especially important to point out the so-called civil sector, which is unelected, but exerts very strong lobbying pressure, which since 2000 has influenced the creation of the social atmosphere as well as changes in laws. Grouped together in this sector is the media, the non-governmental sector, and the general cultural influence, which easily spreads across national borders – from this perspective, the whole world essentially still lives under the dominance of Anglo-Saxon cultural influence.

Along with these two countries, Germany and France are also trying to exert an influence. Germany has several foundations, each of which is linked to a political party: Konrad Adenauer Stiftung, associated with the Christian Democratic Union, Hanns Seidel Stiftung, associated with the Bavarian Christian Social Union, Friedrich Ebert Stiftung, affiliated with the Social Democratic Party, Rosa Luxemburg Stiftung, affiliated with the Left, Friedrich Naumann Stiftung, affiliated with the Free Democrats, and finally Heinrich Böll Stiftung affiliated with Greens. Interestingly, the Desiderius Erasmus Stiftung, associated with the anti-globalist and Eurosceptic Alternative for Germany, does not operate in Serbia. The Goethe Institute, an institution linked to the German state, also operates in Serbia. The British have the British Council, the French the French Cultural Center, and a number of other countries have similar institutions in Belgrade.

The West has certainly succeeded in penetrating the elite and the dominant media discourse in Serbia. Despite this, however, pro-Western discourse in Serbian society has been seriously torpedoed, and it can be said that Western soft power has sunk in Serbia. Hence the hysteria about the Russians, which

actually has nothing to do with Russians themselves, but with the fact that the West essentially lost the battle for the hearts and minds of the Serbs in 2008 by recognizing the secession of Kosovo and Metohija.

The last straw for the Serbian public is the constant aggressive insistence of Western countries on organizing LGBT parades every year in Belgrade, two of which, in 2001 and 2010, were extremely violent. Everything culminated in 2022, when American Ambassador Christopher Hill – known to Serbs for his public demonstration of support for the KLA (Kosovo Liberation Army) leaders during the active phase of the conflict between the security forces of the Federal Republic of Yugoslavia and the KLA – insisted on holding the so-called Europride in Belgrade, for which the government of Serbia applied in 2019. Due to the changed situation in society, however, Serbian President Aleksandar Vučić and Minister of Internal Affairs Aleksandar Vulin, as well as the court, announced that Europride would not take place, but it was held anyway. All of this was performed by the Serbian authorities in an undignified style that irresistibly resembles the behavior of the French police captain Louis Renault in the movie “Casablanca”. This deeply shook the authority of executive power and practically proved that Serbia is a colony.

On the other hand, Serbian society unmistakably recognized Hill’s actions to be essentially violent, i.e. an aspiration to impose an agenda and a set of values that are completely foreign to the population. Essentially, what caused mass dissatisfaction among the people was the obvious nature of Hill’s behavior, who from his new position in the State Department only continued his war against the Serbs. After all, as Hill’s likeminded colleague diplomat from London, Robert Cooper, writes: “War is about changing people’s minds or at least their behavior”. (Cooper, 2004, 98).

As in the 1942 film, Morocco belongs to unoccupied France, but the local policeman’s behavior can be dictated by the German officer – who in the case of the Serbian “Casablanca” is the equivalent of the American ambassador – until near the end of the film, when the Frenchman changes his behavior when the circumstances also change.

The big change of circumstances in this case was the uprising of the people in the colony. Such an uprising could be seen in the massive, defiant Orthodox rallies in Belgrade against the LGBT parade at the end of August and in Sep-

tember 2022. The Serbian Patriarch Porfirije spoke at the largest rally, which gathered around 150 000 people, where Russian as well as Serbian symbolism also dominated. It can be said that Serbian society rose up against the colonial will – just like when the entire nightclub in “Casablanca” owned by Rick Blaine (played by Humphrey Bogart) sings the “Marseillaise” in unison. Nonetheless, the very fact that Hill, like the German Major Heinrich Strasser, succeeded in holding the event, put an end to the enormous effort of the West, especially the American authorities, to somehow gain the favor of the Serbs. Hill’s excessive desire to enforce his will at any cost destroyed the hard work of several generations of American diplomats in Belgrade. “Love of power, like lust, is such a strong motive that it influences most men’s actions more than they think it should” (Russel, 2004, p. 181).

That loss is irreparable, considering that study after study of public opinion shows that support for Russia is increasing, while at the same time support for Serbia’s entry into the European Union is decreasing¹³. Over the past few years, the Americans have made many promotional videos in which they have tried to improve the profile of the Serbs in some way, showing certain Serbian historical figures in a positive light, including Serbian scientists with American citizenship, such as Nikola Tesla or Mihailo Pupin. The authors of these videos concluded almost all of them with the slogan “You are the world”, not realizing that this slogan is deeply offensive to Serbs, because it tramples on their deep-rooted self-esteem and self-awareness, which does not tolerate someone issuing such “certificates”. This especially caused indignation among the people who remember the NATO bombing well, and who do not need any videos. Instead, the only gesture from the US that would be appreciated by the Serbs would be for the US to stop supporting the secession of Kosovo and Metohija and for the entire West to stop being a colonial manager over Serbia.

Of course, it would be wrong to blame Hill as an individual, because he is only a child of the Bill Clinton administration, which completely returned to the idealistic tradition of American foreign policy conceived by Woodrow

¹³ NSPM. (2022). Istraživanje javnog mnjenja: Srbija – jesen 2022. URL: <http://www.nspm.rs/istrazivanja-javnog-mnjenja/srbija-jesen-2022.html>

Wilson. “What Wilson was proclaiming was not America’s withdrawal from the world but the universal applicability of its values, and, in time, America’s commitment to spreading them” (Kissinger, 1994, p. 45). What Henry Kissinger warned against in *Diplomacy* is also suggested by Andrew Bacevich in *The New American Militarism*: “Our own day has seen the revival of Wilsonian ambitions and Wilsonian certainty, this time, however, combined with a pronounced affinity for the sword. With the end of the Cold War, the constraints that once held American ideologues in check fell away. Meanwhile, in more than a few quarters, America’s unprecedented military ascendancy, a by-product of victory in the Cold War, raised the alluring prospect that here at last was the instrument that would enable the United States to fulfill its providential mission” (Bacevich, 2006, p. 11). Such an essentially idealistic view of the world is so blinding that it collapses in collision with reality. This is why this kind of neo-Wilsonianism resorts to military force out of frustration, and violence was precisely what the Clinton administration resorted to against the Serbs in the 1990s.

When it comes to China, its soft power is not as visible as the soft power of Western countries, or even Russia, but it is interesting that the Chinese, right on the site of their embassy in Belgrade, which was bombed by the Americans in 1999, killing three Chinese citizens, have built a huge Confucius Cultural Center, in front of which a statue of Confucius was placed. All of this has its bizarre side: Japan previously built its embassy right next to the plot of the bombed Chinese embassy, now the Chinese cultural center. The Japanese embassy architecture was built in a reduced militaristic style irresistibly resembling a fortress, almost a kind of large armored bunker. Japan tried to gain sympathy in Serbia, especially when in 2003 it gave Belgrade 93 buses for city transport and then medical equipment, but Japan’s recognition of Kosovo as an independent state left a certain stain.

As far as regional powers are concerned, Turkey is very active and its soft power is recognizable. The Turkish Agency for International Cooperation and Coordination (TIKA) has restored several monuments of Ottoman heritage throughout Serbia. In addition, Serbian television broadcasts many Turkish TV series that are very popular. In contrast, Greece is considerably less present. Surprisingly, Azerbaijan has been quite active in recent times, even managing to erect monuments to certain personalities from the country in Belgrade and

Novi Sad. Hungary, on the other hand, has significantly improved relations with Serbia, becoming in a way its local ally, and the soft power of that neighboring country is most expressed in the figure of Hungarian Prime Minister Viktor Orbán, who is very popular in Serbia, especially because of his adherence to traditional values. Austria and Italy traditionally have respectable soft power thanks to historical reasons, and of course thanks to the large Serbian diasporas in those countries, especially in Austria.

In this sense, Saudi Arabia is not visible in Serbia, and the United Arab Emirates has a rather modest profile, recognizable practically only for the renovation of an elementary school in Novi Pazar, and Iran's performance is also modest, although this country has had its own cultural center for years, which publishes a magazine called Nur.

India is an interesting case. India's Prime Minister, Narendra Modi, is a devout Hindu believer, and India organized a year of yoga in 2017 which coordinated events all over the world, including in Belgrade. This can be seen as a kind of manifestation of soft power, but of a religious type, i.e. Hindu proselytism, by promoting the Hindu religion through yoga practices with the open support of the Indian state.

Military cooperation

Since 2000, the West has been very involved in the "reform" of the army in Serbia, that is, in its weakening and reduction, as well as in what is called civilian control over the army. At the same time, a number of civil sector organizations have been created which exclusively deal with security, most of which are Western-oriented and enjoy financial support from the West. Military cooperation with the United States and NATO is reflected in cooperation through the "Partnership for Peace" and a series of agreements that Serbia concluded with NATO, such as the SOFA (Status of Forces Agreement) signed in 2006, the IPAP (Individual Partnership Action Plan) from 2014, and cooperation with the Ohio National Guard, which has been ongoing for years on the basis of the SOFA agreement. There have also been symbolic donations from the US in the form of Hummer vehicles, but the most essential facet of cooperation is reflected in the

reformatting of the Serbian Army, which has been sliding slowly towards NATO standards, which mean its degradation.

Military cooperation with the countries of the European Union is interesting, recently and especially with France, from which Serbia has acquired both military and police helicopters, Mistral air defense systems, and the announced purchase of 12 Rafale fighter jets. This cooperation should be seen in the broader sense of strengthening the French influence and is certainly connected with the concession of the Belgrade airport to the above-mentioned French company. It is obvious that France is trying to take advantage of the sentiment in Serbia towards it from the two countries' military alliance from the time of the First World War.

Serbia's only substantial and fundamental military cooperation, however, is with Russia and, more recently, with China. Several very serious military exercises have been carried out with Russia, especially the "Slavic Brotherhood" exercise with Russia and Belarus. The extremely efficient air defense systems Pantsir S1 have been purchased from Russia, and the Serbian Army was given 30 T-72 MS tanks in a modernized version, the first with active-reactive armor in its composition, and 30 BRDM-2 MS armored vehicles. In addition, 10 MiG-29 multipurpose combat aircraft, equipped with new electronics and missiles, arrived as a gift from Russia and Belarus. With the four aircraft of this type remaining in Serbia after the NATO aggression in 1999, which were also modernized, Serbia is back with a complete squadron of 14 aircraft, which was the number it had before the 1999 NATO aggression.

Military cooperation with China is also extremely significant, especially the acquisition of the powerful FK-3 air defense systems, a modernized version of the Russian S-300. The timing of the shipment of this system, in April 2022, a little more than a month after the start of the Russian military operation, is particularly interesting. With this gesture, China in a way sent a signal to the West that it should not get any ideas about threatening Serbia now that its ally Russia is busy with other affairs. What fundamentally changes Serbia's military capability is primarily its cooperation with Russia and China, but France should not be neglected either.

To meet the needs of the Serbian Armed Forces, the acquisition of Turkish unmanned aerial vehicles Bayraktar TB2 has also been mentioned, but this de-

velopment is not yet clear. Cooperation with the Hungarian army is primarily related to problems with migrants on the Serbian-Hungarian border. There is obviously a certain cooperation with the Emirates and Saudi Arabia, although again this is quite mysterious, as well as in the construction of “Belgrade on the water”. In general, it seems that the Middle Eastern countries do not really like transparency, and it could be said that Serbia also likes discretion when it comes to cooperation with those countries. When it comes to the Emirates, the development of a joint missile has been mentioned, but it is not easy to find out from the media how far this has progressed.

Both for the military and for all other spheres of cooperation, it is characteristic that all of these forces follow each other in the new “Casablanca”. Sometimes their interests coincide and sometimes they want to sabotage each other, which of course can be seen through media attacks — according to the ownership structure of the given media, one can guess where the attacks are coming from and for what reason.

Migrations

Serbia is a central country on the path of migrants, because it had always been the shortest route from Constantinople to the center of Europe, or from Baghdad, on the ancient Baghdad-Berlin route. The biggest migrant wave took place in 2015, when at least one million migrants from Syria and other countries passed through Serbia, including terrorists who killed at least 130 people in Paris in November of that year, 90 of them in the Bataclan music hall.

At that time, Serbia was a kind of “flow boiler” for migrants, of whom there are thousands at any given time from the Middle East, from more distant Asian countries and from Africa, although this cannot be compared to the great wave of 2015. On this matter, there are different relations between Serbia and various countries. In a way, the European Union, with the help of Frontex and its other agencies wanted to make a kind of a “parking lot” out of Serbia for these people.

In its game with the European Union, and with its bitter rival Greece, Turkey sometimes uses migrants as a kind of weapon, or more precisely as a means of blackmail. By contrast, Serbia and Hungary have managed to establish good

mutual communication when it comes to the problem of migrants, even in the most difficult time of 2015.

The first massive migrant wave was actually launched from Kosovo and Metohija when, in early 2015, before the Middle Eastern refugees, about 150 000 Albanians passed through Serbia on their way to Western European countries.

There is, of course, a contract with the European Union on readmission, which is sometimes implemented and sometimes not, because the biggest question is in which country migrants were first registered in order to eventually be returned to it. There have been frequent incidents with migrants, including severe police violence, especially in Croatia and Bulgaria, but Serbia was the best organized in the crisis year of 2015 and that there was the least state repression against migrants, for which it even received praise from the European Union.

Nevertheless, there have been several sporadic incidents among the migrants themselves involving fights and the use of cold weapons. The most recent one happened in the north of Serbia, near the border with Hungary, in July and November 2022, where two serious incidents with the use of firearms resulted in injuries and one fatality.

Much attention has been drawn by the latest migrations from Ukraine and Russia after the start of the special military operation. More than 100 000 Russian citizens and around 20 000 Ukrainian citizens are officially registered in Serbia. These people have been well received in Serbia, certainly because, among other things, they share a similar culture and language, they are Orthodox Christians, and they are of a similar ethnicity, i.e., they are Slavs just like the Serbs. This is not the first time that such migrations have occurred: after the Bolshevik Revolution in Russia, up to 200 000 Russians passed through Serbia, many of whom continued to the West, but tens of thousands remained in Serbia. Their descendants, precisely because of that closeness, easily assimilated as Serbs, just like all the Serbs who migrated to Russia in the 18th century, where they participated in the creation of Novorussia, had by the end of the 19th century assimilated as Russians. The Russians who fled to Serbia at the beginning of the 20th century made a great contribution to the development of the Serbian state, Serbian culture, science, education, architecture, spirituality, etc. Let us mention only a few examples: the architect Nikolai Krasnov, the Byzantologist

Georgi Ostrogorski, the expert on church law Sergej Troitsky, and the cartoonist Yuri Lobachov, known in Serbia as Đorđe Lobachov.

The Russians who are now coming to Serbia know very well that there is no Russophobia or the kind of pressure that is fueled by hatred towards them in many other places in Europe. At the same time, it must be recognized that Serbia, due to the unfortunate circumstances that set these people in motion, now as well as after the Bolshevik Revolution, benefits from them, not only because of the capital, knowledge and skills they bring, even to the IT sector that was very strong in Serbia even before their arrival, but also because of the serious demographic deficit that deeply affects Serbia.

Conclusion

It could be concluded that today's Belgrade really resembles "old" Casablanca. This is, of course, not a position of neutrality and the luxury that Switzerland has long had of almost being able to ignore pressure from other countries. In Belgrade, Western pressure on the local population is manifested by imposing foreign ideas on rooted traditions, and on the government by political blackmail. Formally speaking, Belgrade is neutral, although no one fully recognizes this neutrality; on the contrary, many Western politicians have told Serbian authorities that they must choose a side, or else pay a high price if they remain on the fence.

It seems that Serbia, especially during the reign of Aleksandar Vučić, has begun to resemble a kind of joint-stock company. I have already written¹⁴ that, roughly estimated, it can be said that the West and the East have approximately equal influence, with Russia and China on the one hand and the Anglo-American coalition and the European Union on the other, which for the sake of argument we could say amounts to 40% each. The third pole, the Arab factor, and the Emirates above all (the good relationship between Vučić and the President of the Emirates Mohamed bin Zayed al-Nahyan), but also Saudi Arabia, holds around 20% of the "shares". My hypothesis is that the change in the composition

¹⁴ Gajić, S. (2022). *Сербия — акционерное общество, и контрольный пакет в нём держат арабы*. REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3740332.html>

of the Government of Serbia with the departure of the three ministers generally considered as most pro-Western, cannot be explained only by political struggle, but also by the nature and dynamics of “Casablanca”.

It is an interesting coincidence that Serbian foreign policy changed radically during the summer of 2022, at the moment when Saudi Arabia and the Emirates that support it rejected the American request to increase oil production in order to bring down its price and punish Russia. On the contrary, they decide to reduce production. Thus, for the first time since 1945 and the conclusion of a strategic alliance between the US and the desert kingdoms, including the decision to sell oil for dollars and US security guarantees, Saudi Arabia turned a deaf ear to the demand to respect the most important lever of American geopolitical power. With this lever, the US has not only controlled the Middle Eastern monarchies – which in turn bought huge quantities of expensive American weapons, primarily to protect against potential rivals in the neighborhood – but also the entire world oil market. The US counted on the low price of oil to financially exhaust Russia, as explained by George Friedman at an international conference in Belgrade¹⁵.

Nevertheless, three months after the humiliating rejection of Washington's request, American President Biden threatened “consequences”¹⁶. The reason why even this did not yield any results is quite simple: the moment America stops being a broker of peace, things change. After the military intervention in Syria in 2015, Russia somehow became a “deal maker” in the Middle East. Who can guarantee security to the Shias from the Sunnis, i.e. Iran, Iraq, Syria and Lebanon (aka the Shia rainbow) from the Gulf monarchies and the Gulf monarchies from the majority Shia countries? Who guarantees Turkey security from the Shia rainbow and the Shia rainbow from Turkey? And, of course, who guarantees Israel security from all Muslim countries or Iran from Israel? No one! But Russia certainly comes closest, as it has good relations with all of these countries. And this is where the model of governing the Middle East by Henry Kissinger – undoubtedly a great master of the game and a skilled manipulator –

¹⁵ Friedman, G. (2014). CIRSD Conference on WWI: Opening remarks by Mr. George Friedman, Stratfor. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KFdrs3D59Yg>

¹⁶ Al Jazeera. (2022). Biden vows ‘consequences’ for Saudi Arabia after oil output cuts. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/10/12/biden-vows-consequences-for-saudi-arabia-after-oil-output-cuts>

based on keeping all countries in insecurity, constant fear and instability, is actually collapsing. The Russian model is the opposite and does not build stability out of mutual fear, but on the basis of mutual trust, if not in each other than on everyone's trust in Russia, which will negotiate with each actor and maintain the stability of the Middle East.

Precisely this, along with the fact that the Russians have fulfilled all their obligations, as well as the promises made to the Gulf monarchies, resulted in the monarchies disobeying the United States during the futile visit of President Joe Biden in July 2022 to Saudi Arabia – practically voiding the agreement between President Franklin Roosevelt and King Ibn Saud. The latter was a strategic agreement made in February 1945, concluded on an American warship cruiser USS Quincy in the Great Bitter Lake in the Suez Canal, when Roosevelt was returning from Yalta where he had met with Joseph Stalin and Winston Churchill.

Even the *Wall Street Journal*, a paper traditionally close to American big capital, realizes that things turned sour by asking why the Arabs (calling them by inertia “allies”) have lost confidence in the United States¹⁷. True, the specific reason is the loss of trust regarding Ukraine, but the actions of the Arab capitals clearly show that this is increasingly becoming the general attitude of the Arab world.

After this tectonic change, where is Serbia located as the new Casablanca? It is an integral part of future world geopolitical unraveling for the simple reason that the control package of 20% “shares” of the Gulf monarchies still made Serbia more pro-Western until recently, but that has changed. In fact, it has changed drastically, because in the old order of things, the most toxic influence was precisely the influence of the owners of that package of “actions”: they financed the advisory “services” to Serbia of Tony Blair, the main architect of NATO aggression in 1999¹⁸. Now, however, just before the formation of the Government of Serbia, Mohamed Bin Zayed al-Nahyan visited Belgrade and from there proceeded to Moscow for talks with Vladimir Putin. This, in itself, almost without needing any comment, yields the appropriate conclusions.

¹⁷ Wall Street Journal. (2022). Why Arab Allies Don't Trust the U.S. on Ukraine. URL: <https://www.wsj.com/articles/arab-allies-dont-trust-the-us-ukraine-middle-east-resolve-russia-ukraine-arms-sales-saudi-arabia-uae-united-arab-emirates-libya-egypt-iraq-iran-nuclear-deal-jcpoa-2015-israel-11649446410>

¹⁸ Vreme. (2018). Ko plaća Tonija Blera. URL: <https://www.vreme.com/vreme/ko-placa-tonija-blera/>

Because of the change in the Middle East, it now seems to have simply gone the other way. The Gulf monarchies have decided on a future in greater Eurasia and will no longer be tied to the shaken Anglo-American world, which is rather lost with its values, reminiscent of decadent Late Antiquity, and in any case completely foreign to the Arab world.

This fact is extremely important and gives some hope for a real Hollywood happy ending like the one in the movie “Casablanca”. Even the corrupt French police captain Louis Renault, who in this case could represent the Serbian government (or more precisely the Serbian president) that is there to trade and balance between interests, decided to side with the forces of good as soon as the circumstances changed. Until then, he had long supported the main bully, German Major Heinrich Strasser, who in the case of Serbia is the political West, primarily embodied in the United States. Circumstances are known to be prone to change – in a fictional movie as well as in the real world.

Получено в редакции: 31 октября 2022 г.

Принято к публикации: 2 декабря 2022 г.

УДК: 321, 323, 327

Белград – новая «Касабланка»? Место Сербии в формирующемся мировом порядке

*Стеван Гайич, PhD, научный сотрудник,
Институт европейских исследований, Сербия
E-mail: stevangajich@yahoo.com*

Аннотация: Определяя место Сербии в формирующемся мировом порядке, автор предлагает гипотезу о том, что специфический характер нейтралитета Сербии, связанный с «полуассальным» статусом по отношению к Западу, аналогичен положению Касабланки, изображенной в одноименном художественном фильме 1942 г. Речь идет о нейтральном статусе государства, который признается всеми международными акторами, которые критикуют «двойную игру», призывая определить «союзников». Если ранее единственным влиятельным игроком были Соединённые Штаты Америки, сейчас интересы всех глобальных и региональных акторов пересеклись в «Касабланке». Ситуация нестабильности может разрешиться двумя способами: Сербия либо превратится в ассальную территорию и станет объектом политики, либо сохранит реальный нейтралитет, и вследствие уменьшения роли США и Запада в целом, сможет разорвать ассальные отношения. Благодаря многим факто-

рам, в том числе общественным настроениям, 2022 год стал переломным для становлении независимой сербской внешней политики.

Ключевые слова: Сербия, Касабланка, мягкая сила, нейтралитет, экономика, безопасность, СМИ, миграция, контроль

References

Bacevich, A.J. (2006). *The New American Militarism: How Americans Are Seduced by War*. Oxford University Press.

Cooper, R. (2004). *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-first Century*. London: Atlantic Books.

Fanon, F. (1961). *Les Damnés de la terre*. Paris: François Maspero.

Kissinger, H. (1994). *Diplomacy*. New York, London, Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore: Simon & Schuster.

Gibbs, D.N. (2009). *First Do No Harm: Humanitarian Intervention and the Destruction of Yugoslavia*. Nashville: Vanderbilt University Press.

Nye, J. S. (2004). *Soft Power*. New York: Public Affairs.

Russel, B. (2004). *Power: A New Social Analysis*. London and New York: Routledge.

Антонић, С. (2006). Реформатори, евалуатори и слаба држава: случај Србије. У *Елита, грађанство, слаба држава: Србија после 2000*. Београд: Службени гласник, с. 40–87.

Шемякин, А.Л. (2010). Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX – начало XX века). *Славяноведение*, No. 5. Москва: Российская академия наук.

Geostrategic Significance of Energy: A Glimpse of India-Russia Relations

Madhusmita Rout¹

Ravenshaw University (India)

Bhagyadhar Sethy²

Kalinga Institute of Social Science (India)

Abstract

History bears witness to how resources have become the object of many conflicts and wars between nations. The roots of imperialism and colonialism are embedded in the need for resources. Examples of these resources are both renewable and non-renewable resources such as water, minerals, fossil fuels and natural gas. Out of all these what stands prominent is energy derived from non-renewable resources. With modernization stepping into every aspect of civilized life, energy becomes the criteria to distinguish a developed country from an underdeveloped or developing country. A country brimming with fossil fuels and other natural gases shapes the foreign policy of other nations through export or making others inescapably dependent on it. It is said, then the geostrategic importance of these energy sources increases the status and position of that nation in the global power structure. In this backdrop, the geostrategic importance of Russia in power structure has been analyzed in this paper. For the burgeoning population and sky-rocketing energy requirements, the energy available in India has not been adequate. For this reason, since independence India has been compelled to be dependent on other energy surplus countries. India's growing and deepening relationship with a reliable Russia can be explained in this light. With exit of western investments in Russia for exploration of energy the Indian companies have stepped in for new explorations and increasing production. This mutuality has strengthened their relations despite tumults in global politics and ongoing Russia's special operation in Ukraine. This geostrategic importance of energy in the friendship between India and Russia will continue till India attains self-sufficiency in producing energy.

Key words

energy, India, Russia, energy diplomacy, energy cooperation

¹ **Madhusmita Rout** – Dr., Assistant Professor, Department of Political Science, Ravenshaw University, Cuttack, Odisha, India. Email-bhagyadharsethy@gmail.com

² **Bhagyadhar Sethy** – Dr., Assistant Professor, Department of Political Science, Kalinga Institute of Social Science, KISS-DU, Bhubaneswar, Odisha, India. Email-bhagyadharsethy@gmail.com

The authors declare the absence of conflict of interests

For citation

Rout Madhusmita, Sethy Bhagyadhar. (2022). Geostrategic Significance of Energy: A Glimpse of India-Russia Relations. *Управление и политика*, 1(3), С. 88–100.

The criteria of being respected as a great power lies in the amount of energy a country consumes. The more the energy a country uses, the more it ascends on the scale of greatness and power status. Gone are the days when India was regarded as a poor and underdeveloped country that sought security and protection from other nations. Things have dramatically changed on the global scene. India is now acknowledged as one of the fastest growing economies in the world. Energy consumption is considered as one of the key elements in attaining such a spiraling growth rate. India's growth experience is somewhat different from developed countries as the growing energy requirements of the burgeoning population are leading to energy insecurity, precipitated by the voluntary nationally-determined limit on the wanton use of fossil fuel-based energy, as agreed to at the Paris summit on climate change. Every nation as India is caught in a dilemma between the government responsibility to meet the ever-increasing energy needs for its growing population and the moral obligation to all humanity to reduce emission of carbon dioxide in the atmosphere to the level of 1.5 degree Celsius at the pre-industrial age. Sustaining the present economic growth in India requires an increase in energy security coupled with energy efficiency and with an effective policy of reducing CO₂ impacts. Energy security has emerged as an important concern for the policy makers in India as it is vital to achieve its global obligation to reduce emission of carbon dioxide and to meet the energy requirements of its population by achieving the targeted economic growth of 9-10% in the coming years.

India's energy consumption increased by 4.5% and production by 3.72% from 1981 to 2010. India accounts for 2.4% of the world's total annual energy production, but consumes about 3.3% of the world's total annual energy. With a targeted growth rate of 10% to 9% and an estimated energy elasticity of 0.56 (for the period 2001 to 2010), the energy requirement in the country is expected to grow at 5.6% in the coming 5-6 years. Though primary energy consumption has increased significantly in absolute terms, India's per capita consumption

of energy continues to be lower than many emerging economies. The Government of India in its mid-term review of the Tenth Five Year Plan recognized the fact that under-performance of the energy sector can be a major constraint in achieving a growth rate of 8% GDP during the plan period. It has, therefore, called for acceleration of the reforms process and adoption of an integrated energy policy.

However, the relationship between energy and economic growth has different implications. Energy growth influences economic growth, and not vice versa. Increase in energy consumption is important to enhance and sustained economic growth but not without damaging environmental implications. And the policies aiming at energy conservation may retard economic growth. Contrarily, if economic growth influences energy consumption, energy conservation policies may be attempted with little or no significant impact on economic growth. Similarly, if there is bi-directional causality, a combination of these policies may be attempted. If there is no causation between growth and energy consumption, they are independent, and the policies have to be attempted in each without bothering implications for the other.

The International Energy Agency (IEA) last released a world energy outlook special report on India in 2015. Seven years later, it is remarkable to consider the changes that have taken place. The global energy sector has shifted a great deal over that period, particularly in terms of efforts to strengthen policies to tackle the threat of climate change. The growing number of net-zero emissions pledges by countries and companies reflects the increasing sense of urgency and accelerating momentum around clean energy transitions. Recently, the COVID-19 pandemic brought unprecedented disruptions to our societies and economies, with major consequences throughout the energy world. The damage to lives and livelihoods – and too many parts of the energy sector – will last for years to come. Focusing on India's energy system in particular, we may highlight two extremely positive developments. The first is India's success in bringing electricity connections to hundreds of millions of its citizens in recent years. This is a monumental achievement that has improved the material well-being of a huge number of people.

The second encouraging development is the way in which India has grasped the transformative potential of renewable energy, and solar energy in particular.

As this report shows, the growth of India's renewable energy sector has been highly impressive – and India is set to lead the world in areas such as solar power and batteries in the coming decades.

Additionally, India has promoted the adoption of highly-efficient LED lighting by most households; and prompted a massive expansion in renewable sources of energy, led by solar power. The gains for Indian citizens and their quality of life have been tangible. However, the COVID-19 crisis has complicated efforts to resolve other pressing problems. These include a lack of reliable electricity supply for many consumers; a continued reliance on solid biomass, mainly firewood, as a cooking fuel for some 660 million people; financially ailing electricity distribution companies, and air quality that have made Indian cities among the most polluted in the world.

India is the world's third-largest energy consuming country, thanks to rising incomes and improving standards of living. Energy use has doubled since 2000, with 80% of demand still being met by coal, oil and solid biomass. On a per capita basis, India's energy use and emissions are less than half the world average, as are other key indicators such as vehicle ownership, and steel and cement output. As India recovers from the COVID-induced slump of 2020, it is re-entering a very dynamic period in its energy development. Over the coming years, millions of Indian households are set to buy new appliances, air conditioning units and vehicles. India will soon become the world's most populous country, adding the equivalent of a city the size of Los Angeles to its urban population each year. To meet growing electricity demand over the next twenty years, India will need to add a power system the size of the European Union.

The increasing urgency of adhering to the global target set by the Paris summit to prevent climate change from becoming an apocalypse has remained one of the greatest challenges for policy makers in India. India has so far contributed relatively little to the world's cumulative greenhouse gas emissions in comparison to the developed world. But the country is already on an economic ride to enter the club of industrialized nations in the near future. This article's analysis is based on a detailed review of existing or announced energy reforms and targets. These include the aims of quadrupling renewable electricity capacity by 2030, more than doubling the share of natural gas in the energy mix, enhancing energy efficiency and transport infrastructure, increasing domestic coal output,

and reducing reliance on imports. Progress towards these policy goals varies across our report's different scenarios, none of which provide a forecast.

The Stated Policies Scenario (STEPS) gave a balanced assessment of the direction in which India's energy system is heading, based on current policy settings and constraints and an assumption that the spread of COVID-19 would largely be brought under control in 2021.

The India Vision Case is based on a rapid resolution of today's public health crisis and a more complete realization of India's stated energy policy objectives, accompanied by a faster pace of economic growth than in STEPS.

The Delayed Recovery Scenario analyses potential downside risks to India's energy and economic development in the event that the pandemic is more prolonged.

The Sustainable Development Scenario explores how India could mobilize an additional surge in clean energy investment to produce an early peak and rapid subsequent decline in emissions, consistent with a longer-term drive to net zero, while accelerating progress towards a range of other sustainable development goals.

Energy as the kingpin of Russia's rise to super power status

Energy is a mainstay of Russia's foreign policy and an essential source of its current political power and international prestige. Without its ability to produce and supply energy, Russia would not have the status it has today. It would not have the same influence as a G8 member, command the attention of the United States as it does, or have the same privileged relations with several leading European Union countries, notably Germany. It would also be of less interest to China. Russia has the world's largest natural gas reserves, the second largest coal reserves and seventh largest oil reserves. It is the largest exporter of natural gas and since 2009 has been periodically overtaking Saudi Arabia as the world's largest oil producer. It currently supplies around 30% of the oil and 25% of the gas to EU consumers, and is also a significant global force in the nuclear power industry.

Russia's use of energy resources as a source of power projection reflects a change over the past 20 years that has seen a significant decline in emphasis on

the role of nuclear weapons. From the late 1960s, when the former USSR became an increasingly important oil and gas supplier to Western Europe, and up to the end of the Soviet period, energy relations had a different place in Moscow's foreign policy. A symbol of reduced political tensions, they provided a source of hard currency for the USSR and an important tool of commercial engagement, particularly with West Germany. For the USSR to have used them for political purposes in a system of mutual restraint imposed by nuclear weapons would have destabilized security relations with the West and damaged the Soviet economy. Now that Russia's power is derived far less from military power than in the days of the USSR, the energy sector has become as a tool of soft power and more flexible influence.

In broad terms, the energy sector serves a source of economic attraction for neighbors and partners, a significant factor in bilateral relations with neighbors that can be traded for economic and political benefit and sometimes takes the form of coercion, and a means of achieving economic and political influence through non-traditional and sometimes non-transparent mechanisms. Russia's energy relations can be used in different ways to exert influence at different levels of intensity. Their influence is strongest in the Commonwealth of Independent States (CIS), but also extends far into Europe. There is pronounced influence in some EU countries, particularly Germany and several new member states whose dependence on Russian energy supplies developed during Soviet times on the basis of Soviet-built infrastructure and favorable pricing arrangements.

Russia and India: tied together by an energy cord

India and Russia have a long-standing relationship, and securing an economic and energy partnership is important from both the diplomatic and geopolitical perspectives. Russia has a vital role in ensuring India's energy security in the coming decades. India imports oil, mostly from the volatile region of the Middle East. However, to sustain current high rates of growth, India needs to secure and diversify its energy sources. Russia is an obvious choice in this respect.

Both India and Russia have a long history of cooperation in the energy sector, and the prospects for the development of the energy dialogue are as promising now as they were during the period of friendship between the Soviet Union

and India. Since the late 2000s, the Russia-India energy partnership has been enjoying a renaissance. India and Russia have implemented a wide range of long-term and large-scale joint projects in the energy sector, first and foremost in the nuclear sphere.

Furthermore, in order to cement comprehensive ties and bring them to a new level corresponding to the changing global economic environment, the intensity of their relations in the energy sector is very important. Russia and India are in dire need of innovative and novel approaches here. At present India-Russia cooperation in the energy sector is centered on nuclear energy and oil investments. Russia accounts for less than 1% of India's energy imports, while India's energy imports from Russia are under US\$1 billion. Indian oil companies have multiple investments in Russian oil fields, reportedly exceeding US\$10 billion.

Relations in the energy sector should be diversified in new areas such as LNG, natural gas mobility, renewable energy, financial markets for energy and hydroelectricity and nuclear technology cooperation. Scientist exchange programs should also be launched for sharing scientific knowledge between the two countries.

India's daily consumption of oil totals 4.8 million barrels per day, and is projected to increase to 8.7 million barrels per day by 2040, according to International Energy Agency data. India already relies on imports for 85% of its oil requirements. This makes Russia, the world's third largest oil producer and second largest exporter, a natural partner for India. Energy investments in each other's energy sectors would enable India to protect itself against spikes in energy prices and to decrease its overwhelming dependence on Middle East countries, while giving Russia long-term access to buyers. At present, multiple and diversified dependence on many countries has emerged as one of the global strategies to avoid being bullied by the invidious pressure tactics of any nation.

The recently concluded COP26 meeting in Glasgow has reaffirmed the belief that developing countries will remain reliant on fossil fuels for some time to come. This is complicated by the decreasing space for financing fossil fuel-related projects. Twenty countries, including the USA and Canada, have pledged to stop funding fossil fuel energy projects and focus on clean energy projects. This is likely to create market distortions and volatility.

India's problem in the case of oil and natural gas is price spikes and short-term fluctuations caused by geopolitical factors. For Russia, the problem is low oil prices denting the government's income. These issues can be resolved through investments – upstream Indian investment in Russian energy supplies and downstream Russian investment in Indian energy markets.

Indian investments in Russia: current and future

Indian oil companies already have multibillion-dollar investments in Russian oil fields at Sakhalin, Vankor (Vankorneft) and Srednebotuobinskoye (Taas-Yuryakh). However, these investments cover only a small part of India's oil requirements and need to be scaled up. A partial solution to India's energy problems would be to invest directly and acquire a 5-10% stake in Rosneft and Gazprom. These are both dividend paying companies – a spike in oil and gas prices would increase the profits of these companies, and the dividend flow to shareholders (including India) would partly offset the higher import bill.

India has taken a positive step towards increasing its engagement in the Russian energy industry by opening the India Energy Office (IEO) in Moscow which houses five large Indian Public Sector Units (PSUs). IEO, inaugurated in March 2021, aims at finding new business opportunities in Russia, building capacity and import and export petroleum products.

Investments from India will also benefit Russia. West European nations, which have been long-time buyers of Russian oil and gas, have seen their energy needs decline as their populations' age and consumption becomes more efficient. The increasing reliance on renewable energy contributes further to the decline in their use of oil and gas. China, which is an important market for Russian oil and gas, is expected to follow a similar trend. Investment by Indian energy companies in Russia can help secure access to newer markets.

Russian investments in India

Russia's Rosneft has already acquired a controlling stake in the 20-million ton per annum Essar Refinery, in a bid to secure future market access for its oil. But this investment only covers oil, not natural gas. Russia is now facing com-

petition for gas export markets from the USA, which is exporting shale gas to Western Europe, a traditional Russian market. Russia therefore needs to look at other markets such as India for its gas. Just as Rosneft has invested in an oil refinery, Gazprom can partner with Indian public firms that plan to build at least ten Liquefied Natural Gas (LNG) terminals. Further, India wants to bring piped gas to 70% of its population, which will require dozens of city gas distribution networks – this may also be an investment opportunity. Apart from securing market access, these investments will also protect Russia in case of a downturn in energy prices, since margins in the retail business are much more stable than raw material prices.

Oil and gas trade between India and Russia remains significantly low, despite Russia being the world's third largest producer and India the third largest consumer. The most obvious reason for this pertains to the shipping distance, cargo delivery time and cost escalation as a result of long geographical distances between the two countries. India's energy engagements with Russia, other than the direct purchase of oil and gas, are through Oil and Natural Gas Corporation (ONGC) Videsh limited (hereinafter OVL) direct investments in Russian energy projects.

Apart from Sakhalin-1, OVL holds a 100% stake in Russia's Imperial Energy Corporation and a 26% stake in the Vankor field. Also, a 23.9% stake in Russia's Vankor field and a 29.9% stake in the Taas-Yuryakh field are jointly held by the consortium of Oil India Limited, Indian Oil Corporation and Bharat Petro Resource Limited.

In the aftermath of the Ukraine crisis, Russia's offer to supply India with cheaper crude oil (US\$35 less than the international market price), was criticized by the West. However, Indian companies significantly increased their volumes of oil imports from Russia. India's total import of Russian oil despite buying additional volumes in March 2022 remained less than 1% of its total oil import. These figures increased to 18% in May 2022 according to a report published by CREA.

The Western exit from Russian oil projects could become a big opportunity for Indian oil companies to step in and directly invest in Russian energy projects to secure the country's long-term energy needs. ExxonMobil's decision to sell its 30% stake from Sakhalin-1 needs to be carefully thought through, and India's

OVL could consider increasing its stakes in Sakhalin-1. Similarly, OVL or a joint consortium of companies led by OVL could consider buying Shell's 27.5% stake that it intends to sell in Russia's Sakhalin-2 project. OVL already maintains the technical expertise required for drilling in these harsh terrains. Therefore, such investments would significantly strengthen and diversify India's energy supply chains and reduce the country's dependency on Middle East countries for oil imports.

The meeting between President Vladimir Putin and Prime Minister Narendra Modi at the September 2022 summit of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in Samarkand, Uzbekistan, captured the change that is occurring in the partnership between Russia and India. India, while it has long depended on Russia and still regards it as an important country, increasingly seeks to set the terms of their engagement.

In the aftermath of Russia's special military operation in Ukraine on February 24, 2022, this relationship is poised to undergo an even greater transformation for four reasons:

- Russia's pursuit of ever-closer ties with China.
- The greater importance for Russia of its ties with China than with India.
- Russia's diminished importance for India's foreign policy agenda.
- India's growing security relationship with the United States.

The rebalancing of Russian-Indian relations cannot be said to have reached a new status quo, and they will likely undergo significant changes in the years to come. These will likely result from the erosion of the pillars on which the relationship has rested for decades: arms trade, economic ties, and congruent geopolitical interests. Russia, long the preeminent supplier of arms to India's military, is already facing competition in this marketplace, not least because of India's commitment to diversifying its sources of supply and other exporters' hunger for lucrative arms deals. Russian arms manufacturers will have to compete with technologically more advanced suppliers such as France, Israel, and the USA, as well as with India's own defense industry, all the while remaining under tough Western sanctions. Despite the increase in India's purchases of Russian oil since the imposition of Western sanctions on Russia, the commercial relationship between the two countries, which already accounts for a small

fraction of their overall foreign trade, is still marginal to both and virtually certain to remain so.

Conclusion

The geopolitical pillar of Russian-Indian relations is also poised to be weakened by forces beyond Moscow's control. The breakdown in relations with the USA has propelled Russia to seek ever-closer ties with China at the same time as the rivalry between India and China has intensified. Maintaining parallel partnerships with Beijing and New Delhi is likely to prove a difficult challenge for Russian diplomacy, especially in the event of increasing tensions, not to mention conflicts, between India and China. If there are more clashes along the Sino-Indian border in the years to come, or even a full-scale war, this may become too difficult to manage at all.

Russia is becoming a marginal player in this triangular dynamic for reasons ranging from the size and prospects for its economy to a poor innovation record and demographic prospects. While their respective relationships with Moscow will remain important for Beijing and New Delhi, they will also be of declining value to both. Russia will find that being a junior partner to China while managing a legacy relationship with India reduces its room for tactical and strategic maneuvers. Without a major improvement in its own strategic position, which appears unlikely as long as it follows the foreign and domestic policy path cut by Putin, Russia could face a difficult choice between its "no limits" friend, China, and its oldest and most valuable Asian partner, India. The dynamics within this triangle will likely follow one of the two following scenarios, with similar outcomes, albeit on different timelines. In view of the unfolding of a new cold war between the USA and Russia, it is platitudinous to hold that Russia is more likely to strengthen and deepen its relation with China to the discomfiture of India. China will try to take advantage of Russia's weakness and is likely to see Russia play a transformed role of a pawn in the chess of its global strategy. Since the USA is hostile to both China and Russia, in the pursuit of its global strategy China is likely to go with Russia to a certain extent, but also to marginalize Russia. This is evidenced by the fact that during the cold war China never hesitated to part ways with the former USSR to court friendship with the USA. This is

well known to Russia. Its relationship with India is based on mutual trust and commitment seen since the days of cold war. In view of the growing status of India in the global realm, Russia considers India not as a liability, but as an asset to be relied upon during adversities. This is clearly shown by the support in the Security Council and UN that India gave Russia during ongoing special military operation in Ukraine. Russia's friendship and closeness with China will never be at the cost of its strengthened relationship with India.

Получено в редакции: 15 октября 2022 г.

Принято к публикации: 2 декабря 2022 г.

УДК: 327

Геостратегическая роль энергетики: взгляд на индийско-российские энергетические отношения

*Мадхусмита Раут, доктор наук, доцент кафедры политологии,
Университет Равеншоу, Каттак, Одиша, Индия.
E-mail: bhagyadharsethy@gmail.com*

*Бхагьядхар Сети, доктор наук, доцент кафедры политологии,
Институт социальных наук Калинги, KISS-DU, Бхубанешвар, Одиша, Индия.
E-mail: bhagyadharsethy@gmail.com*

Аннотация: История дает много примеров тому, что природные ресурсы часто становились причиной международных конфликтов и войн. Потребность в ресурсах находится в основе империализма и колониализма. Ресурсы могут быть как возобновляемые, так и невозобновляемые, такие как вода, минералы, ископаемое топливо и природный газ. Среди всех ресурсов отчетливо выделяется энергия, получаемая из невозобновляемых источников. В результате модернизации во всех сферах жизни общества, энергетика становится одним из критериев, позволяющим отличить развитую страну от неразвитой или развивающейся. Богатые ископаемыми ресурсами и природным газом страны оказывают влияние на внешнюю политику других стран через экспорт и формирование зависимости. Исходя из посылки, что геостратегическое значение источников энергии определяет статус и роль государств в глобальной структуре власти, автор анализирует геостратегическое значение России в мире. Индия не имеет достаточных энергетических ресурсов для удовлетворения увеличивающихся потребностей растущего населения, поэтому после обретения независимости Индия вновь попала в зависимость от богатых ресурсами стран. Автор рассматривает развитие и углубление отношений между Индией и надежным партнером Россией. После ухода западных инвесторов из России, Индия заняла их место в сфере освоения и производства ресурсов, что укрепило двусторонние отношения, несмотря на изменения в глобальной

политике и продолжающуюся специальную операцию на Украине. В статье делается вывод, что геостратегическое значение энергии для дружбы между Индией и Россией сохранится до тех пор, пока Индия не станет самодостаточным производителем энергии.

Ключевые слова: энергетика, Индия, Россия, энергетическая дипломатия, энергетическое сотрудничество

References

Aalto, P. (2016). Modernisation of the Russian Energy Sector: Constraints on Utilising Arctic Off-shore Oil Resources. *Europe-Asia Studies*, 68 (1), 38–63.

Bhagwat, J. (2020). *Maritime Shipping on the Northern Sea Route: Need for Greater Emphasis on Mutual Cooperation and a Non-Negotiable Safety Culture*. Part I, Arctic and North, 39, p. 5–25.

Bhandari A. (2021). Energy and Environment, Energy Geopolitics, Europe, GH in the Media, India, Issues, Publications, Regions, Republishing, Russia.

Ramkumar, M. (2014). Characterization of Depositional Units for Stratigraphic Correlation, Petroleum Exploration and Reservoir Characterization. In: Sinha, S. (Ed.), *Advances in Petroleum Engineering*. Studium Press L.L.C., U.S.A, 1–13.

Ramkumar, M. (2017). Internal 'oil war' in the Asian giant: Politics and environmental activism. *Recent Advances in Petrochemical Science*. 2(3), 555590

Shapovalova, D., Gallimulin, E. & Grushevenko, E. (2020). Russian Arctic Offshore Petroleum Governance. The Effects of Western Sanctions and Outlook for Northern Development. *Energy Policy*, 146, 1–36.

Staun, J. (2017). Russia's Strategy in the Arctic: cooperation, not confrontation. *The Polar Record*, 53 (3), 314–332.

Zysk, K. (2010). Russia's Arctic Strategy: Ambitions and Constraints, *Joint Force Quarterly*, 57, 103–110.

Implementation of Russian “Soft power” Foreign Policy Strategy in Kyrgyzstan

ALINA MUSA KYZY¹

International University of Kyrgyzstan (Kyrgyzstan)

Abstract

The article reveals and discusses the various tools used in implementing the Russian “soft power” foreign policy strategy in Kyrgyzstan. It reviews trade and economic cooperation, a priority area of work in bilateral relations between Russian and Kyrgyzstan. The author analyzes the activities of Russian organizations and cultural centers that promote and support humanitarian projects in Kyrgyzstan. Considerable attention is paid to Russian educational programs, projects and grants. Key factors are identified that have determined the development of Russia’s “soft power” in Kyrgyzstan at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries.

Key words

foreign policy, soft power, cultural influence, bilateral cooperation, Russia, Kyrgyzstan

For citation

Musa kzy, A. (2022). Implementation of Russian “Soft power” Foreign Policy Strategy in Kyrgyzstan. *Управление и политика*, 1(3), С. 101–115.

To implement its foreign policy and fulfill national interests in the field of international relations, states use a variety of tools which are largely related to the category of “force”. It should be noted that the majority of the definitions in this category have one common component – the impact to

¹ **Alina Musa kzy** – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations at the International University of Kyrgyzstan, Kyrgyzstan.
E-mail: musakzyalina7@gmail.com
The author declares the absence of conflict of interests

control others. This impact can be carried out in various forms such as “hard power”, “economic power” and “soft power”. In this regard, it should be emphasized that “hard power” implies a coercive approach to international relations, especially involving the use of military force. In turn, “economic power” attempts to use economic leverages of influence, which at present are considered to be quite significant. An alternative to “hard power” and “economic power” is “soft power”. This is considered to be an influential approach to international relations. This term was first introduced by American scholar J. Nye, who understands “soft power” as the ability to achieve what one wants through persuasion rather than coercion. He identifies three main components of this concept: culture, political ideology and diplomacy (Nye, 2004, pp. 10-13). In the modern situation, the role of the state in international relations system is determined not only by its economic and military resources and development level of political institutions, but also by its cultural potential. International cultural cooperation has become an integral part of foreign policy of modern states. Indeed, culture has a special role in implementing foreign policy objectives, aimed at strengthening the state’s international position, as well as providing favorable external conditions for its development (Гыкасов, 2013).

When discussing the Russian “soft power” strategy, it is appropriate to note that in Russia the concept of “soft power” in foreign policy is quite new. The President of the Russian Federation Vladimir Putin officially used the term in the context of Russian foreign Policy in February 2013 (for comparison, the USA has been using tools of soft power for more than 25 years) (Филимонов, 2010: 125). In outlining its own “soft power”, Russia is guided by Nye’s definition (Nye, 2004, pp. 10-13).

One of the main components of Russia’s “soft power” in Kyrgyzstan is the common history of the two states. This is a fundamental fact of unity, transmitted from generation to generation. The history of relations between Kyrgyzstan and Russia is not idyllic, but long-standing, centuries-old ties were established between the countries (Боропаева, 2000). There were some difficult moments in history that remained controversial for a long period. After Kyrgyzstan gained independence, these events were discussed with particular care. One controversial episode of history is the suppression of the Kyrgyz uprising by tsarist Russia in 1916. Nevertheless, there are many positive examples from history where the

fates of the Kyrgyz and Russian peoples were intertwined. The Great Patriotic War of 1941-1945 is one of these.

This historical event determined the social memory of two peoples for a long period. Indeed, social memory is a fundamental criterion for the unity of the Russian and Kyrgyz peoples. For over seven decades, a common spirit of Soviet patriotism was formed. The period of socialism, like any historical period, had its positive and negative aspects. The ideological standards of Soviet life removed all ethnic parameters of a person's self-determination. This in turn meant that the Kyrgyz lagged far behind the phenomenon of "Soviet people". Having only a limited significance to Kyrgyz traditions and customs, the national culture of the Soviet peoples underwent unification. The level of national identity was low. This primarily affected the preservation of the Kyrgyz language. Despite the negative influence of the Soviet period on the self-determination of the Kyrgyz nation, there were also positive factors in the unity of Kyrgyzstan and Russia. There was a surge in the cultural development of nomads: literature and various types of art began to develop.

From the historical point of view, Russian "soft power" has been present in Kyrgyzstan for more than 150 years, since the accession of northern Kyrgyzstan by the Russian Empire on January 17, 1855 (История Кыргызстана, 1983).

Thus, Kyrgyz-Russian relations, which were always at a fairly high level, further developed after July 21, 1991, when the Treaty on the Foundations of Interstate Relations between Kyrgyzstan and the Russian Federation was signed. At that time, the president of the Kyrgyz Republic Askar Akaev stated that "the path that Russia must take is also the path of Kyrgyzstan, because it is the path of democracy, the path of rebuilding human dignity" (Акаев, 1998, с. 123).

Diplomatic relations between the Russian Federation and the Kyrgyz Republic were established on March 20, 1992. The legal framework of Kyrgyz-Russian bilateral cooperation consists of more than 300 treaties, agreements and other documents regulating specific areas of interstate cooperation. The main political documents are the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Kyrgyz Republic and the Russian Federation, signed on June 10, 1992, and the Declaration on Eternal Friendship, Alliance and Partnership between the Kyrgyz Republic and the Russian Federation signed on July 27,

2000, as well as the Agreement between the Russian Federation and the Kyrgyz Republic “On Economic Cooperation” for 2000-2009.

The Russian Embassy in Kyrgyzstan was established on October 8, 1992. It organizes official visits at the level of heads of state, government, ministries, regions, etc., and carries out extensive work in political, trade, economic and cultural-humanitarian fields. A Consulate General of Russia has been operating in Osh since March 1, 2002.

The Embassy of the Kyrgyz Republic in the Russian Federation is the successor of the Plenipotentiary Representation of the Kyrgyz SSR in Moscow, in accordance with the Decree of the President of the Kyrgyz Republic of September 14, 1993. To continue economic and trade relations, a representative office was established as part of the Embassy of the Kyrgyz Republic, and the trading and commercial house “Kyrgyzstan” was established.

At different periods of bilateral cooperation, the first president of Russia Boris Yeltsin, and later presidents Vladimir Putin and Dmitry Medvedev, as well as prime ministers, chairmen of the State Duma and Federation Council (both chambers) and heads of ministries and departments of Russia visited Kyrgyzstan. It should be noted that Yeltsin's first visit to Kyrgyzstan took place even before the Kyrgyz Republic gained independence on July 20, 1991. Later, Yeltsin repeatedly visited Kyrgyzstan to attend meetings of the CIS Interstate Council, CSTO, SCO, etc. Putin and Medvedev also came to Kyrgyzstan on several occasions, and participated in multilateral forums.

In turn, presidents of the Kyrgyz Republic also repeatedly visited Moscow. Akaev's first official visit to the Russian Federation took place on March 26, 1996 (Akaev went to Moscow many times on unofficial and working visits, as well as for multilateral events). Kyrgyzstan presidents Kurmanbek Bakiev, Roza Otunbaeva, and Almazbek Atambaev also repeatedly visited Russia. Additionally, prime ministers, speakers of the Jogorku Kenesh (parliament) and heads of ministries and departments of the Kyrgyz Republic visited Russia on multiple occasions.

During these visits, a number of memoranda, agreements on cooperation in the political, trade, economic, cultural and humanitarian fields were signed. On many important international issues, the parties hold identical or close positions.

Moscow and Bishkek also work closely in international organizations, primarily in the UN, OSCE and others, and in regional structures such as the CIS, EurAsEC, CSTO, SCO.

However, 20th-century diplomatic relations between the two states did not lay the foundation for a lasting strategic partnership between Moscow and Bishkek. The main reason was that Russia's foreign policy in the 1990s was primarily aimed at developing relations with the West. Under the Minister of Foreign Affairs A. Kozyrev, the prevailing opinion was that Russia had freed itself from the underdeveloped states of Central Asia, and would be able to modernize quickly and enter the club of developed democratic states. Given this position, the Yeltsin administration paid little attention to Central Asia for a number of years. As a result, Kyrgyzstan was left to confront its many internal and external problems alone, until Russia changed its foreign policy in the early 2000s of its own accord.

Nevertheless, political contact at the level of presidents and heads of government of the Kyrgyz Republic and the Russian Federation was maintained constantly. Inter-parliamentary relations continue to develop both on a multilateral basis (within the inter-parliamentary assemblies of CIS, CSTO and EurAsEC), and in a bilateral format. The heads of the parliaments of both countries periodically exchange visits.

The priority area for Russia was and remains cooperation with Kyrgyzstan within the CIS – real cooperation in the economic sphere and free trade. Kyrgyzstan agreed to maintain the structure of the CIS economic bodies. An example of the active development of trade and economic cooperation between the CIS member states is the Free Trade Zone Agreement signed on October 18, 2011 in St. Petersburg. This agreement is designed to give an additional impetus to the growth of national economies and the potential of the Commonwealth as a whole.

The participation of the Kyrgyz Republic in the Collective Security Treaty Organization allowed the small country to combine measures to ensure the military security of Kyrgyzstan, based both on the country's forces, and in cooperation with the armed forces of other participating states, primarily Russia. At the Bishkek session of the Collective Security Council in October 2000, an Agreement was signed on the status of the formations of forces and means of

the collective security system, and a plan of basic measures for the formation of a collective security system of the CSTO member states for 2001-2005. A regulation on the working group of the Council of Ministers of Defense for the Collective Security Treaty was also approved.

Although according to experts and analysts the SCO is considered to be a Chinese regional project, Russia is a key player and occupies a special place in this organization. Russia and the Kyrgyz Republic are both organizers of the SCO and have the same rights within it. However, Russia, with its enormous political weight and economic potential, has a significant impact on other SCO member countries, mainly among the post-Soviet republics. Almost all the initiatives of Kyrgyzstan voiced within the SCO are supported by the Russian side. In general, the positions of Russia and Kyrgyzstan are in many respects similar.

One of the priority areas of bilateral relations between Russia and Kyrgyzstan is trade and economic cooperation. Since independence, more than 200 international treaties have been signed, a significant part of which concern the trade and economic bloc (Esenbekova, 2011). It should be recalled that in the 1990s the restrained nature of trade and economic processes between the two countries arose from a number of objective problems resulting from the collapse of the USSR and the breakdown in economic ties between the republics. Moreover, the Russian economy itself was in a state of decline and crisis. There are no analogues in world history to the crisis that Russia faced in the 1990s, because of its complex nature – economic, social, ideological and political. Therefore, Russia was not able to maintain economic relations with the republics of the former USSR, including Kyrgyzstan. According to statistics, in 1992 bilateral trade between Russia and Kyrgyzstan decreased on average by 26 times compared with 1991. During 1992-2003 annual trade volumes were in the range of US \$200-350 million US (Esenbekova, 2011).

Russian-Kyrgyz trade began to develop more dynamically only when V. Putin came to power. The reason for this is the recovery of the Russian economy and the reorientation of the foreign policy of the Russian Federation in relation to the CIS countries. Hence, for the period 2003-2007 bilateral trade grew by more than 4.3 times. According to 2006 data, the share of Kyrgyzstan in Russia's foreign trade was only 0.13 percent. According to the 2007 statistics, the trade turnover between Russia and Kyrgyzstan increased by 95.2 percent

compared to the previous year and amounted to about US \$1,175 million (about 33.1% of the Kyrgyz and 0.21% of the Russian trade). The volume of Kyrgyz deliveries to Russia reached US \$363 million (about 34.9% of Kyrgyzstan's exports, 0.18% of Russia's imports), and the volume of deliveries from Russia reached US \$812 million (about 32.3% of Kyrgyzstan's imports, less than 0.23% of Russian exports) (Esenbekova, 2011).

Today, Russia ranks first in the total volume of trade of Kyrgyzstan with other states (more than 27%). According to the Federal State Statistics Service, the trade turnover between the two countries in 2014 amounted to US \$1.9 billion. Of these, US \$1.2 billion is accounted for Russian exports to Kyrgyzstan and only US \$0.1 billion is from imports to the Russian Federation from Kyrgyzstan.

January – December	Commodity Turnover	Import	Export
2011	1,714.0	1,429.6	284.0
2012	2,003.7	1,784.6	219.1
2013	2,193.8	2,040.3	153.5
2014	1,974.6	1,851.9	122.7

Table 1. Dynamics of mutual trade between Kyrgyzstan and the Russian Federation for 2011-2014, in millions of US dollars

Source: National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. International economic activity. Dynamic tables. URL <http://www.stat.kg/ru/statistics/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/>

During the visit of Kyrgyzstan President A. Atambayev to Moscow in September 2012, an intergovernmental agreement was signed between the Russian Federation and the Kyrgyz Republic on the settlement of the debt of Kyrgyzstan to Russia for a total amount of close to US \$500 million. As a result of meetings and negotiations, the presidents of the two countries V. Putin and A. Atambayev agreed to write off the debt of Kyrgyzstan in the amount of US \$489 million for previously granted loans. The document was signed by the Minister of Finance of the Kyrgyz Republic O. Lavrova and the Deputy Minister of Finance of the Russian Federation S. Storchak.

An agreement was also reached on investments in the hydropower sector (the construction of the Kambarata-1 Hydroelectric Power Station and the Verkhne-Naryn Hydroelectric Power Station Cascade) in the amount of about 2.5

billion US dollars. As part of Putin's official visit to Kyrgyzstan on September 20, 2012, two intergovernmental agreements were signed on the construction and operation of the Verkhne-Naryn cascade of hydroelectric power stations with a total capacity of about 190 MW and the Kambarata-1 hydroelectric power station with a capacity of 1.6–1.9 MW. The project for the construction of the Verkhne-Naryn cascade (Akbulunskaya and three Naryn hydropower plants) was implemented by RusHydro. However, work begun in June 2014 was suspended due to lack of funding by the Russian side.

At the same time, in order to ensure favorable conditions for the republic to enter the EAEU, Russia has not only assumed financial obligations: a grant of a US \$200 million to equip customs points/terminals, laboratories, etc. and to complete the roadmap of Kyrgyzstan to join the Customs Union. Since then, a Development Fund has been created, and Kyrgyzstan received unprecedented opportunity to export fruits and vegetables and meat products to Russia without tariff barriers.

Moreover, by 2014 Russia had invested over US \$62.29 million in Kyrgyzstan (Рудов, 2001, с. 11-12). There are close to 200 enterprises operating in Kyrgyzstan with Russian capital, including Gazprom Neft-Asia OJSC, Karabaltinsky Mining Plant OJSC, Tien Shan-Olovo LLC, Orel Chemical and Metallurgical Plant OJSC, and Foreign Economic Association OJSC Tekhnopromexport.

In May 2003, Gazprom signed an Agreement with the Russian government to cooperate in the gas sector. In 2006, Gazprom Neft established a subsidiary, Gazprom Neft-Asia, which became the largest operator in the wholesale and retail markets for petroleum products and liquefied petroleum gas.

Currently, Russia supplies more than 90% of all fuels and lubricants to Kyrgyzstan. The right to import and distribute duty free petroleum products was granted to Gazprom Neft-Asia, a Russian company in Kyrgyzstan. On July 26, 2013 an Intergovernmental Agreement was signed on in the field of transportation, distribution and sale of natural gas between Kyrgyzstan and Russia.

On April 10, 2014, an agreement was signed between Russia and Kyrgyzstan which allowed Gazprom to purchase a 100% stake in Kyrgyzgaz OJSC for a symbolic sum of US \$1. Gazprom agreed to pay the debts of Kyrgyzgaz, which in total were estimated at no less than US\$40 million. In addition, the Russian

company expressed its readiness to invest approximately 20 billion rubles in the development of the gas infrastructure of Kyrgyzstan and geological explorations in the country².

At the end of 2014, an oil refinery built at the expense of Russian investors was commissioned in Tash-Kumyr (Jalal-Abad Oblast) for the production of world-class fuels – Euro-3 and Euro-4.

On the basis of the inter-state agreement between Moscow city government and the government of the Kyrgyz Republic on international cooperation in trade-economic, scientific-technical, humanitarian and cultural areas between the countries, the Moscow city government opened a branch office in Bishkek on October 26, 2000, in order to diversify and boost trade and economic cooperation between the two countries.

Additionally, ethnic Russian and Russian-speaking citizens living in Kyrgyzstan can be ranked as a serious Russian “soft-power” factor. Indeed, according to 2014 data, more than 400 000 native Russian speakers (6% of the country’s population) or close to 365 000 ethnic Russians, 27 000 Tatars and 1700 ethnic Chechens lived in Kyrgyzstan. Other nationalities amounted to about 30 000 people, mostly peoples of the North Caucasus: Karachais, Balkars, Ingush and peoples of Dagestan, as well as Kalmyks. The vast majority of the Russian-speaking population lives in the north of the country - in the capital of Bishkek, the Chui and Issyk-Kul regions. Less than 20 000 live in the south, of whom 12 000 are ethnic Russians, 6 000 Tatars, and the rest representatives of other ethnic groups (Мыса кызы, 2017, с. 156).

It should be noted that in Kyrgyzstan ethnic³ Russians occupied high-rank-ing government posts during the period under review. A number of ethnic Russians in Kyrgyzstan held parliamentary and other government posts, contributing to the development of the economy, culture, healthcare and science.

² Gazprom buys Kyrgyzgaz assets for one dollar, RBK, 10.04.2014. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/04/2014/57041aea9a794761c0ce8c13> (all links accessed 01.10.2022)

³ Kuznetsov G., First Vice-President of the Kyrgyz Republic (1991-1992), also served as Vice Prime Minister for Economics of the Kyrgyz Republic (1992-1993); Silaev B.I. as acting Prime Minister (1998), First Deputy Prime Minister (1998-2000), Mayor of Bishkek (1995-1998); Tanaev N.T. as Prime Minister of the Kyrgyz Republic (2002-2005); Chudinov I.V., Prime Minister of the Kyrgyz Republic (2007-2009); Kostyuk A.V. as Minister of Agriculture and Land Reclamation of the Kyrgyz Republic (2000-2005), Deputy Prime Minister of the Technical Government of the Kyrgyz Republic (2010-2011); Lavrova O.V., Minister of Finance of the Kyrgyz Republic (2012-2015).

One of the important areas of Russian “soft power” influence is the cultural and humanitarian mechanisms of interaction between the Kyrgyz Republic and the Russian Federation. In Kyrgyzstan, there are numerous Russian centers, foundations, associations, unions, etc. Of these, the largest and most effective is the Slavic Fund of Kyrgyzstan, created on October 29, 1991, during the Soviet era. The management of the Fund declares its main areas of work to be education, culture, maintaining relations with Russia, protecting the rights of compatriots, charity work, analyzing the migration situation in Kyrgyzstan and the CIS, developing proposals on migration issues, and working with the Council of Compatriots under the State Duma of the Russian Federation. Most prominently, the fund works in the education and culture field. The Slavic Fund is officially represented as part of the Assembly of the Peoples of Kyrgyzstan.

In 2005, the Russian “Harmony” Culture Center joined the Assembly of the Peoples of Kyrgyzstan, which organizes thematic photo exhibitions, folklore concerts, meetings with artists, writers and various competitions.

Founded in 1935, the State Russian Drama Theater named after N.K. Krupskaya (on December 10, 2008, by the Decree of the President of the Kyrgyz Republic, the Russian Drama Theater was named after the People’s Writer of the Kyrgyz Republic, Chingiz Aitmatov) is one of the most important cultural centers of Russian influence. The specific repertoire and the numerous cultural and educational events held at the theater allow us to consider the Russian Drama Theater as one of the centers of Russian “soft-power” influence on the country.

One of the key elements of Russian “soft power” in Kyrgyzstan is the Russian Orthodox Church. The domestic and foreign policy of Kyrgyzstan constantly stimulates discussions about the faith of Russian diaspora in Kyrgyzstan. The importance of Orthodoxy as a stabilizing factor in the political life of the country is highly relevant; the Russian Orthodox Church plays an important role in maintaining and increasing Russia’s influence in Kyrgyzstan (Ночова, 2006, с. 179).

At the end of the 20th century, with the collapse of the Soviet state, the Russian Orthodox Church opened a new chapter. In 1990 a religious school began operating and in 1998 a theological seminary was established. Since then, the number of parishes has almost doubled – from 56 to 100. Four monasteries

were opened: three for women, one of which is located in Kara-Balta, and one for men. Dozens of churches have been restored and built, and Orthodox newspapers and magazines were launched (in 2002 the first Orthodox newspaper entitled “Orthodox World” began publishing in Bishkek). A candle manufactory and a printing house for religious icons, calendars, and books were opened (Abdyraeva, 2009, pp. 49-54).

At the beginning of the 21st century various Russian foundations and organizations, such as “Russky Mir Foundation”, began working more actively in Kyrgyzstan. “Russky Mir Foundation” is an organization that promotes the Russian language and culture. The organization also supports programs that teach the Russian language in various countries of the world (Немешина, 2007). The foundation has been operating in Kyrgyzstan since 2009, providing grant support to numerous educational projects. It cooperates with the state and non-governmental organizations.

In Kyrgyzstan, the foundation has three centers – in Bishkek, Osh and Kant, which, together with Kyrgyz specialists, participate in the preparation of Russian language textbooks, taking into account the national characteristics of the Kyrgyz Republic. Additionally, the foundation continues to organize courses for Russian language teachers in the country.

Furthermore, on June 7, 2011, the office of the Russian Center for Science and Culture (Rossotrudnichestvo) officially opened its office in Bishkek. Its main areas of work are the promotion and support of cultural или educative projects in Kyrgyzstan, disseminating the history of the Russian Federation and its foreign policy, educational, scientific, cultural and economic potential in Kyrgyz society. In addition, the organization is working to expand and strengthen ties with its Kyrgyz partners in areas such as museums, theaters and cinemas, concert and exhibition halls, discussion clubs and other organizations with a cultural profile. Rossotrudnichestvo also promotes the Russian language in multi-ethnic Kyrgyzstan and establishes ties between Russian and Kyrgyz universities, as well as allocating quotas for Kyrgyz citizens to study in Russian universities.

The Osh representative office of Rossotrudnichestvo assists residents in the south of the country in establishing cooperation, ties, etc. in the cultural and education fields.

Through Rossotrudnichestvo, quotas are annually allocated to Russian universities in numerous fields. In 2014, Rossotrudnichestvo increased its budget to train graduates from Kyrgyzstan from 175 students to 419. Additionally, Russian universities recruited 290 applicants from Kyrgyzstan for under their quota, and 130 Kyrgyz citizens were accepted by Russian universities for free tuition on a general basis (not related to the Rossotrudnichestvo quota). Besides the quota mentioned above, Kyrgyz citizens are able to apply to Russian universities through the Collective Security Treaty Organization, the Shanghai Cooperation Organization, the CIS, the Ministry of Emergencies, the Ministry of Defense, the Ministry of Internal Affairs, the Customs Service and the State Drug Control Committee.

In addition, representatives of Russian universities (Tomsk Polytechnic Institute, Ural Federal University, Altai State University, etc.) come to Bishkek to recruit students on an annual basis.

An important factor in maintaining the cultural influence of Russia in Kyrgyzstan is of course the status of the Russian language. According to Article 10 of the current Constitution of the Kyrgyz Republic (2010), the Russian language has the status of an official language⁴. This status was initially granted in the 2001 edition of the Constitution. The official status of the Russian language, the presence of a solid Russian diaspora and the existing Russian-speaking environment in the country (universities, schools, theaters, cultural centers, etc.) support the printing and publishing of Russian language books in the country. During the period studied, there were a number of bookstores in Kyrgyzstan primarily selling Russian-language books (Book World, Polonia, Foliant, Alliance, Academic Book, Odyssey, Rarity, etc.).

Russian educational programs, projects and grants are considered to be an important component of Russia's "soft power" in Kyrgyzstan. One of the largest and best-recognized universities in Kyrgyzstan is undoubtedly the Kyrgyz-Russian Slavic University (KRSU). It was established in 1993 in accordance with the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Kyrgyz

⁴ Constitution of the Kyrgyz Republic of 2010, Official website of the government of the Kyrgyz Republic. URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution>

Republic and the Russian Federation. In 2004, by the decree of the President of the Kyrgyz Republic, the university was named after the first President of the Russian Federation Boris Yeltsin.

In addition, there are 4 branches of Russian universities in the country: the Baltic State University Voenmekh named after D.F. Ustinova, a branch of the Moscow Institute of Entrepreneurship and Law, a branch of the Russian State University of Trade and Economics and the Kyrgyz-Russian Academy of Education. Besides the Kyrgyz-Russian Slavic University, there are Russian language and literature faculties at the Kyrgyz National University, Kyrgyz State University named after I. Arabaev, Bishkek State University, Osh State University and Issyk-Kul State University, which have existed since the Soviet era.

At most universities, students are taught in Russian. The majority of school subjects are taught exclusively with Russian textbooks. As of 2014, 52.6% of the Kyrgyz population speaks Russian (for comparison, the percentage of Kyrgyz citizens who can communicate freely in English does not exceed 1.2%)⁵. According to statistics, schools where instruction takes place in the Kyrgyz language make up 64.2% or 73.1% of the total number of students in the country, and in Russian – 9.14% or 17.9% of students; 65% of children enrolled in pre-school education are taught in Russian⁶.

At present, the majority of children taught in Russian are not ethnic Russians, a situation that has existed since the second half of the 1990s. Despite this fact, the number of schools teaching in the Russian language increased from 143 in 2002 to 203 in 2012.

According to the 1999 census of the Kyrgyz Republic, Russian was the mother tongue of 14.7% of the population. According to the 2009 census, 48% of the population of the country declared knowledge of the Russian language. In addition, 482 243 people spoke Russian as their native language.

In the media and information space of Kyrgyzstan, Russian-language media (TV, newspapers, radio, social networks) have an almost total advantage over English/Turkish/Chinese sources. Digital satellite television packages in

⁵ Dubnov A. How Russians live in Kyrgyzstan, Russian Unification Union of Compatriots, 15 June 2013. URL: http://korsovet.kg/new/Kak_givut_russkie_v_Kirgizii

⁶ Duishebaeva K. In Kyrgyzstan, 52.6 percent of the population speak Russian, 6 March 2013. URL: <https://24.kg/archive/ru/community/149489-v-kyrgyzstane-russkim-yazykom-vladeyut-526.html/>

Kyrgyzstan include at least 50 Russian TV channels. The following Russian TV channels are broadcast nationwide: “First”, “Russia”, “NTV”, “REN-TV”, “MIR”. However, with the transition to digital television, no more than 2-3 television channels will remain free to access (as of December 2014 only MIR was officially included).

Russian-language newspapers and magazines make up approximately 50% of all published newspapers and magazines in the country. There is an abundance of Russian language newspapers such as “Vecherny Bishkek” (Evening Bishkek) published daily and “Argumenty i Fakty” (Arguments and Facts), “Slovo Kyrgyzstana” (Word of Kyrgyzstan), “Komsomolskaya Pravda”, “Moskovsky Komsomolets Kirghizii” (Moskovsky Komsomolets in Kyrgyzstan), “Delo №...” (Case number), “Obshchestvenny reiting” (Public rating), “Respublika” (Republic), “Liberalnaya gazeta” (Liberal Newspaper), “Chyuskiye izvestye” (Chuy News), “Ekho Osha” (Echo of Osh), “MSN”, “News Asia” published weekly.

Thus, Russian “soft power” is comprised of cultural, historical, informational and educational influences. In Kyrgyzstan – after a century and a half of joint history, with the significant role of the Russian language, a similar mentality, closeness and integration, institutions and practices – Russia exercises the strongest cultural and informational “soft power”. Since the mid-2000s this influence has been backed financially through loans and grants.

Geographical proximity, a shared history, as well as military-strategic partnership and economic cooperation arising from the need to find an optimal solution to both domestic and regional problems, are among the key factors that determined the development of Russia’s “soft power” in Kyrgyzstan in the late 20th – early 21st centuries. This in turn has objectively contributed to the development of cooperation between Kyrgyzstan and Russia.

Получено в редакции: 1 октября 2022 г.

Принято к публикации: 29 ноября 2022 г.

УДК: 327, 323

Реализация российской мягкосиловой стратегии в кыргызстане

Алина Муса кызы, к.фил.н., доктор исторических наук,
профессор кафедры «Международные отношения»
Международного университета Кыргызстана, Кыргызстан
E-mail: musakzyalina7@gmail.com

Аннотация: В статье выявляются и анализируются внешнеполитические инструменты, используемые при реализации российской мягкосиловой стратегии в Кыргызстане. Определено, что приоритетным направлением работы в двусторонних отношениях между Россией и Кыргызстаном является торгово-экономическое сотрудничество. В статье рассматривается деятельность российских организаций и культурных центров, продвигающих и поддерживающих культурно-образовательные проекты в Кыргызстане. Большое внимание уделяется российским образовательным программам, проектам и грантам. Выявлены ключевые факторы, определившие развитие «мягкой силы» России в Кыргызстане в конце XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: внешняя политика, мягкая сила, культурное влияние, двустороннее сотрудничество, Россия, Киргизия

References

Abdyraeva, G. (2009). On the Issue of Communication of the State to the Orthodox Church in Kyrgyzstan. *Bulletin of Osh State University*, 5, 49–54.

Esenbekova, A. (2011). Peculiarities of trade-economic relations of Russian with some of the Central Asian countries. Almaty.

Nye J. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, New York.

Акаев А.А. (1998). *Откровенный разговор*. Москва: Совершенно секретно. 160 с.

Воропаева В. (2000). Кыргызстан – Россия: история и современность // *Центральная Азия и Кавказ*, 4.

Лукасов А.В. (2013). «Мягкая сила» во внешней политике современных государств / Конференция: Университетские Чтения-2015, Пятигорск, 13-14 января 2015 г. С. 13-17.

История Кыргызстана (1983). Бишкек. Т 1.

Муса кызы А. (2017). Кыргызстан во внешнеполитической стратегии «мягкой силы» США. Бишкек: UNPK «Mezhdunarodnyi universitet Kyrgyzstana».

Немешина Л. (2007). Этнокультурная и общественно-политическая структура / «Русский мир в Центральной Азии». Бишкек, Вып. 1.

Носова Е.В. (2006). История взаимоотношений государства и Русской Православной Церкви в Кыргызстане: конец 19 – середина 20 вв. Дисс. на соискание степени к.и.н. 07.00.02. Бишкек.

Рудов Г.А. (2001). Кыргызско-российские отношения; рыночные условия диктуют политику // *Реформа: научно-экономический журнал*, 3, 11–12.

Филимонов Г.Ю. (2010). «Мягкая сила» культурной дипломатии США. Москва: РУДН. 212 с.

Информация для авторов

Журнал «Управление и политика» принимает к публикации оригинальные и отличающиеся новизной и научной ценностью рукописи по политической теории, проблемам и трансформации политических институтов и процессов, вопросам политической идеологии и государственного управления.

Рукописи принимаются в электронном виде на сайте журнала, где также подробно изложены требования к подаче рукописей: www.gr-mgimo.ru

В журнал принимаются исследовательские статьи, теоретические статьи, книжные рецензии.

Требования к рукописям:

- Представление статьи в журнал «Управление и политика» подразумевает, что: статья не была опубликована ранее в другом журнале, статья не находится на рассмотрении в другом журнале, все соавторы согласны с публикацией текущей версии статьи;

- объем без метаданных – 40 тыс. – 80 тыс. знаков;
- Microsoft Word (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 интервал;
- статья имеет следующую структуру:
 - ФИО автора и место работы (имя, степень, должность, полное наименование организации с почтовым адресом, e-mail) в отдельном файле .doc;
 - краткое название, отражающее ключевую проблему статьи;
 - аннотация (200-250 слов), которая должна содержать краткое изложение статьи и включать ключевые слова (8-10). Она должна содержать цель, исследовательский вопрос, методы и результаты исследования;
 - текст статьи должен быть логически разделен на несколько частей: введение (содержит цель статьи, исследовательский вопрос, объяснение, почему этот вопрос важен, обзор литературы); методология (методы исследования, теоретическая база, этапы исследования); результаты (результаты исследования представлены в логической форме); обсуждение (оценка результатов, их актуальность, важность и ограничения), заключение;
 - автор обязан сообщить редакции о потенциальном конфликте интересов, указав такую информацию. При отсутствии конфликта интересов автор добавляет в конце статьи следующую фразу: «Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов»;
 - Рисунки и таблицы не должны быть отсканированы, и должны быть редактируемы. Картинки должны быть высокого качества и присылаться отдельно (форматы .jpg или .png). Рисунки и таблицы должны нумероваться и иметь отсылку к ним в тексте, а также источники данных. В рукописи должно быть указано, где следует разместить каждый рисунок/таблицу/рамку, например: <рисунок 1.1 здесь>. Изображения с низким разрешением 72 dpi (из Интернета) не принимаются. Ответственность за получение разрешения на использование изображения лежит на авторе. Автор несет исключительную ответственность за точность используемых

изображений и/или карт. Если рукопись содержит специальные символы (китайские, арабские, символы, математические символы и т.д.), то необходимо предоставить PDF-версию рукописи и указать используемые специальные шрифты;

- Список литературы должен быть составлен в алфавитном порядке. Он включает научную литературу, аналитические отчеты и статьи в научных журналах. DOI следует указывать в конце ссылки. Ссылки на статистические данные, отчеты, законодательные документы, интернет-ресурсы должны быть оформлены в виде сносок с полным описанием и URL-адресом в постраничных ссылках. В журнале приветствуются ссылки на надежные источники, научные статьи, опубликованные в авторитетных журналах.

Журнал использует стиль ссылок APA

примеры:

в тексте: (Иванов, 2021, с. 3-4) ... (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

в списке литературы:

Smith, K., Fox, R. (2021). *Book in Political Science*. Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

Подробнее: <https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

Brief Author's Guide

Peer-reviewed and open-access journal *Governance and Politics* welcomes submissions of **original** and **outstanding** research manuscripts in the field of political science.

The Journal is focused on political theories, political institutions and processes, political ideology, public administration and governance.

The Journal is published by the School of Governance and Politics of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) and is of relevance to academia, practitioners and policymakers. Only manuscripts of sufficient quality, relevant research question and sound methodology that meet the aims and scope of *Governance and Politics* will be subject to a double-blind peer-review.

The requirements for a research article are the following:

- the submission of an article implies that it has not been published earlier in another journal or book, is not under consideration in another journal, has no more than three co-authors, all of whom agree with the publication of the submitted version of the article;
- length of the article without metadata: 40,000 – 80,000 symbols (with spaces);
- Microsoft Word format (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 interval;
- the article has the following structure:
 - author's full name and affiliation (name, degree, occupation, ORCID, full affiliation with postal address, e-mail) in a separate doc file;
 - short title reflecting the key problem of the article;
 - abstract (200-250 words). The abstract should provide a brief summary of the paper and include all keywords (8-10). It should contain *the purpose, research question, methods, and results of the research*;
 - the text of the article should be logically divided into several integral parts: **introduction** (contains the aim of the article, research question, discussion on why this question is important, literature review); **methodology** (research methods, theoretical basis, stages of research); **results** (the results of research are presented in a logical way); **discussion** (assessment of the results, their relevance, importance and limitations), **conclusion**;
 - the author is obliged to inform the editors about a potential conflict of interest by indicating such information. *If there is no conflict of interest, the author adds the following phrase at the end of the article: The author declares the absence of conflict of interest*;
 - Figures and tables should not be scanned so that they could be edited. Pictures should be of high quality and sent separately (.jpg or .png). *Figures, tables and pictures should have number and reference in the text as well as a source of data. A manuscript should indicate where each figure/table/box should be placed, e.g. <figure 1.1 here>. Images with low resolution at 72dpi (internet sourced) are not accepted. It is the author's responsibility to obtain permission for the use of image. The author is solely responsible for the accuracy of the images and/or maps used. If manuscript contains special characters (Chinese, Arabic, Cyrillic, characters not generally used in Western European languages, symbols, mathematics etc.) then a PDF version of the manuscript needs to be submitted and the special fonts used need to be listed*;

- **References:** List of references should be composed alphabetically. It includes academic literature, analytical reports and articles in academic periodic journals. DOIs should be given in the end of a reference. References on statistics, reports, legislative documents, internet resources should be organized as footnotes with full description and URL.

The Journal uses the APA style of references:

examples:

in the text: (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

in References:

Smith, K., Fox, R. (2021). **Book in Political Science**. Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

For more examples and references instructions:

<https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

© МГИМО МИД России

СМИ зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 июля 2022 г., серия ПИ № ФС77-83595 (онлайн-версия, сетевое издание: 13 июля 2022 г., серия Эл № ФС77-83596)

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес редакции: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д.76,
Факультет управления и политики,
+7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции

Периодичность – 4 номера в год

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
Тираж 200 экз. / Объём 10,53 усл. п.л. / Заказ № 1502

© Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76,
School of Governance and Politics.
Phone/fax: +7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Authors' point of view may not coincide with that of the Editorial Board's one

Published by MGIMO University Press